

ПОЛИНА НЕМА

ЗДРАВСТВУЙТЕ,
Я ВАШ ПАПА!

16+

Если женщине всего лишь тридцать

Полина Нема

Здравствуйте, я ваш папа!

«Автор»

2022

Нема П.

Здравствуйте, я ваш папа! / П. Нема — «Автор», 2022 — (Если женщине всего лишь тридцать)

Пять лет назад меня бросил муж, оставив одну с маленьким ребенком. И вот теперь у моей дочери проснулся магический дар, ведь ее отец, как оказалось, не обычный человек... Отныне мы пленницы жестокого правителя из другого мира. Он — дракон с ледяным сердцем, не ведающий любви и сострадания. Но я готова умереть, лишь бы спасти дочку. Или влюбить... Дракона! Что-то уж больно он на моего бывшего муженька смахивает.

Содержание

Пролог	6
Прошло 5 лет	8
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Нема

Здравствуйте, я ваш папа!

[Первая книга серии "Здравствуйте, я ваша мама" доступна на Литрес](#)

Пролог

– Фил, ты идешь кушать?

Ответом мне послужила тишина. Я направилась в комнату. Наверное, муж опять сидит в своих наушниках. Экран ноутбука горел, но рядом никого не было.

– Фил, слышал? – я прислонилась к дверному косяку детской комнаты. Муж стоял над кроваткой ребенка, спиной ко мне. – Фил, – позвала его.

В голове пронеслись различные фильмы ужасов, где маньяк вот точно так же стоит над кроватью своей жертвы. Только, эй, это же мой пухлый и добрый муж Филипп! Он и мухи не обидел бы.

Я медленно прошла в комнату и остановилась возле него, безотрывно глядевшего на ребенка. Еле успокоила Злату сегодня. Малышка кричала почти весь вечер, пока папа не пришел домой.

Я положила голову на огромное мягкое плечо мужа. Он у меня вообще пухлый, как медвежонок, и такой же добрый. Мы познакомились в институте – учились на одном курсе, начали встречаться. Съехались и в скором времени поженились. Ничего интересного. Жили, как среднестатистическая семья. У меня работа, у него работа, а по вечерам он втыкал в компьютерные игры, а я в сериалы.

– Даже не верю, что она уснула, – усмехнулась, ощущая, как напрягся Фил. – Все в порядке?

Муж не ответил и молча вышел из комнаты.

Что-то как-то странно... Даже несмотря на свое пристрастие к вечным компьютерным баталиям, он не забывал хотя бы поцеловать меня. Что на него нашло сегодня?

Я поправила покрывало дочки и на цыпочках покинула детскую.

Мужа нашла в нашей комнате натягивающим джинсы.

– Я ухожу, – сказал он, застегивая ширинку.

Я нервно сглотнула. Как уходит? Он же только пришел.

– К Диме? Ты хоть поешь, – промямлила, не веря своим ушам.

Сердце нервно сжалось, предполагая нечто большее, чем обыденные вечерние посиделки с друзьями.

– Я совсем ухожу, – ответил он убитым голосом. – Это все... – Он обвел рукой нашу комнату. – Я не могу, – пригвоздил.

– Что ты такое говоришь, Фил? – прошептала, ощущая, как в грудь будто засунули раскаленный прут.

– Ксю... Ксения, я ухожу. Я понял, что это все не для меня. Эти пеленки, распашонки, детский плач... Еще и ты.

– Что я? – хрипло спросила, пытаясь унять слезы, рвавшиеся наружу.

– Ничего. Ты изменилась после родов. Ты меня больше не заводишь.

– Это логично. Мне же надо время, чтобы прийти в форму, – почему-то начала оправдываться перед огромным, заплывшим жиром мужиком. – А сам ты не лучше. Только и сидишь перед своим компом с этими монстрами и с друзьями своими пиво распиваешь. Я, будучи беременной, таскала покупки домой.

– Во-первых, у меня тогда был рейд, – скривился он. – Во-вторых, купить пару куриц и мармелад была твоя идея. Ты мне в тот день даже не позвонила. Тратила мои бабки направо и налево, скупая, как бешеная, все подряд.

Его голос звучал настолько убито, будто он сам не верил в то, что сказал. Но я-то помню, как он отдал мне тогда свою карточку со словами «трать на все, что хочешь».

– Ты же только радовался, что я трачу, – вставила, не веря в искренность слов про бешеную.

Говорила – лишь бы говорить. Моего мужа будто подменили. Стоял с потухшим взглядом и мертвыми глазами. Будто в его теле кто-то чужой. Еще и глаза, обычно карие, как будто стали светлее. Серые какие-то. Но что это меняет, если он уходит?

– Я ухожу, Ксения, – вновь сказал он. – У нас нет близости, и мы с тобой очень разные. У нас даже общих интересов нет.

Ага, конечно. Это же он сидел за компом сутки напролет, когда я звала его прогуляться хотя бы в парк. Я хочу в горы на лыжи, а он – в Египет на море. Как-то мы выкручивались и ездили и туда, и туда. И брак не трещал по швам. А сейчас...

Я даже не понимаю, что происходит. Хочется кинуться на колени, обнять, целовать и не отпускать. Позволить ему близость, которую врач все еще запрещает. Ребенку всего два месяца, а мне потребовалось время для восстановления.

– Иди, но я подам на алименты, – душу на корню истерику.

– Подавай, но больше ты меня не найдешь. Я знаю, как обойти законы. Ты ни копейки не получишь, – сказал он, будто со стенкой разговаривал. – Я понял, что мне надо больше, чем все это. Какой-то бесконечный день сурка. Надоело. Я эгоист, и мне лучше быть одному.

Его лицо кривится в противной улыбке. И этот человек добивался меня два года.

– Мы женаты, – прошептала.

Я смотрела на его правую руку, но не видела кольца.

– Фил, я не понимаю, – сделала шаг к нему, а он ко мне.

Поравнялся со мной, и что-то внутри скрутилось в тугий узел, когда он смерил меня надменным холодным взглядом. Хотелось рухнуть на колени, преклонив голову. А еще лучше, чтобы он просто прошел и не заметил.

Да что ж такое?! Что с моим мягким и нежным Филом?! Еще вчера мы вместе ложились спать. Я буркнула, что он занимает много места, а он сгреб меня в объятия, говоря, что все равно поместимся.

– Мне жаль, Ксюша, – едва услышала его голос.

Посмотрела на него. В стальных глазах вспыхнула безграничная тоска, отзывавшаяся во всем моем теле.

Казалось, что сейчас он скажет, что пошутил, я посижу, подуюсь пару дней или до утра. И потом все у нас наладится. Но муж обулся в коридоре, накинул куртку поверх футболки и вышел в морозную парадную, в холод и зиму перед новым годом, который я встречу с дочерью.

Я сползла по стене, не веря ни глазам, ни своим ощущениям. Я в каком-то трансе, в котором перед моими глазами развернулось вот это. Быть такого не может, чтобы мой Фил, мой мишка просто так ушел.

Прошло 5 лет

– Мам, мам!

– Что, Злата? – устало спрашиваю, направляясь в ванную.

– А ты надолго? – спрашивает дочка, сжимая планшет в руках.

– На полчаса, – тяжело вздыхаю, глядя на дочь мутным взглядом.

В голове только несколько действий – ванна, теплая вода, отдых.

– Мам, это долго, – вновь строит разочарованную мину.

– Злата, маме надо отдохнуть. У мамы вчера корпоратив был, – я открываю дверь в обитель моего успокоения.

Как же хочется иногда полежать в воде и просто насладиться отдыхом. Особенно, когда у вас гиперактивный ребенок, которому постоянно нужно внимание.

– Ма-ам, – вновь стучит в дверь дочка.

А-а, а-а, а-а-а-а-а!

Вот так приблизительно я хочу кричать уже пять лет.

Резко открываю дверь. Дочь тычет в меня планшетом, который сегодня хочется запустить в стенку.

Внутри все горит праведным гневом. Хочется разбить стиралку о стену. Не знаю, как я ее подниму, но разбить очень хочется.

– Что такое, солнышко? – устало спрашиваю.

Мой тумблер от «я сейчас взорвусь» до «я пень в лесу» переключается за пару секунд.

– Мам, включи тот мультик.

– Какой?

Я не бешусь, не бешусь. Все хорошо.

– Котолый мы с бабушкой вчела смоттели. Я не помню, как он называется.

– Так спроси у бабушки, – ласково говорю.

– Она тоже не помнит.

– Злата, включи что хочешь. Дай маме отдохнуть немного.

– Ма-ам...

– Злата! – рявкаю. – Иди в свою комнату! Делай что хочешь, но не трогай меня полчаса!

Дочка надувает губы, разворачивается и уходит в комнату.

Кажется, я слишком резко выразилась, но надоело. Мне тяжело одной.

Я включаю воду, в полусне медитирую над ней, пока она заполняет ванну.

С ребенком ни минуты покоя. Да, я мать-одиночка, и приходится справляться самой. Я пыталась сойтись с мужчинами, но каждый раз ощущала, что это не то. Не то чтобы они были против ребенка, но как-то я не чувствовала хоть толики интереса. А потому начала жить только для Златы. Вот она вырастет, и у нее обязательно будет все хорошо.

В общем, планировали мы с бывшим мужем одно, а вышло совершенно другое.

Как сейчас помню его пустой взгляд и слова, что с ребенком тяжело, он хочет высыпаться, и вообще ему на работу рано вставать. Мы ему сильно мешали. Спрашивается, почему мы с ним завели ребенка? Потому что оба хотели. Я все еще помнила, как он касался моего огромного живота, трогал его, лаская. Как наша девочка стучала ножкой. И он все разрушил в один день, когда сказал, что уходит. Ненавижу отца моего ребенка. Это ж он хотел. Давай заведем, давай заведем... Завели – я одна воспитываю.

Даже тогда я напридумывала себе, что в его глазах была адская боль, пока мое сердце разрывалось на части. Нет оправдания его поступку. Все-таки его интересовала карьера, а я хотела стать мамой-мамой.

В итоге мне пришлось собрать волю в кулак и заставить себя выйти на работу. Ради меня и Златы. В какой-то момент я не выдержала и пришла к нему в офис требовать алименты. Но его не было. Он исчез. Не только из нашей жизни, но и, казалось, от всего мира. Что ж, можно было только хмыкнуть. Мы ему были настолько не нужны, что он слинял отовсюду, как и говорил.

Пока вспоминала те времена, вода уже заполнила ванну.

Залезаю в нее, погружаясь в сплошное блаженство. Тишина и покой. Все, что мне надо.

Только мысли все равно к бывшему возвращаются.

Ровно пять лет назад он ушел. А передо мной так и вспыхивали картинки того дня. Вот хлопает дверь, вот я подхожу к ноутбуку и вижу статьи на тему, как уходят мужья от жен так, чтоб те даже на алименты не смогли подать. Это было глупо – сидеть и оправдывать его, но я не могла по-другому. Просто тогда я не понимала, почему он ушел, и верила, что вернется...

– Мама! – как в тумане слышу голос Златы.

Открываю глаза. Все расплывается. Нервно хлопаю ресницами – не помогает.

– Мам! – еще тревожней звучит голос дочери.

Ох, если она в очередной раз оторвала голову Барби и не может ее вкрутить, то не знаю, что я сделаю.

Неужели я так много прошу? Всего лишь полчаса покоя.

Становлюсь на пол, заворачиваясь в полотенце. Меня ведет в сторону, будто я все еще ловлю вертолетики. Да, в конце концов, я могу себе позволить. У меня дата – пять лет, как меня бросил муж. Подумаешь, бокальчик позволила себе.

Вот только квартиру неестественно шатает, пока я ковыляю к Злате, держась за стены. Кажется, что мы взлетаем куда-то в космос.

– Злата, ты у меня в печенках сидишь! – рявкаю я, врываясь в детскую.

Застываю на месте, видя, как моя пятилетняя дочка сияет лазурным светом. В ее глазах столько страха, а мне так стыдно за то, что я сказала.

– Ма-ма, – шепчет она, поднимая руку, которая будто исчезает.

На наших глазах.

Подлетаю к ней и обнимаю. Ее тонкие руки обвивают меня за шею. Светло-желтые тона детской исчезают, а мы появляемся в странном месте с каменными стенами.

Глава 1

Если б рядом не было Златы, я бы подумала, что это какой-то глюк.

– Мама, а где мы? – испуганно спрашивает дочь.

– Не знаю, – я смотрю на огромную железную дверь.

В принципе, в комнате тепло. Камин горит. Мне как-то неловко очутиться непонятно где в одном полотенце. Хотя о чем я думаю?! Мы с ребенком не пойми где!

Дверь открывается. В комнату входит огромный мужик, одетый в странную рубашку с парусинными рукавами и черные свободные штаны. Я такую одежду видела только на страницах учебника по средневековой истории.

Он недоуменно смотрит на нас.

– Опять... – устало произносит он, потирая ладонью лицо. – Объясню вкратце...

Он делает шаг в комнату, а я прижимаю Злату к себе.

– ...Вы попали в другой мир. Мой замок – некий мост между мирами. Чтобы вернуться домой, вам нужно немного подождать, – виновато улыбается.

Его глаза вспыхивают золотистым свечением, а я нервно ежусь. У него реально глаза горят золотом!

– Я, право, не хотел, чтоб это происходило, но, увы, каждый раз кто-то да попадает сюда... – он направляется к камину.

Я не свожу с него взгляда, пытаюсь понять, что он вообще несет. Какой другой мир? Какой мост?

У меня же ребенок. Злата притихла, дрожа под моей рукой.

– ...Вы не бойтесь, – продолжает мужчина. – Я слышал, что вместо возвращения в свой мир иногда девушки попадают в другие.

Он берет с камина какую-то продолговатую капсулу с золотистой жидкостью.

– Если вы не попадете после перемещения в свой мир, то советую ей воспользоваться...

Он подходит ближе, а я еще больше напрягаюсь, как львица, готовая кинуться, защищая своего детеныша. Или как испуганная обезьяна, не понимающая, что происходит.

– Вы извините, но у меня жена жутко ревнивая, особенно когда здесь появляются женщины. В вашем мире сейчас какое время года?

– Зима, – сдает Злата.

– О, хорошо...

Мужчина кладет на кровать возле нас капсулу и отходит к стене.

Под его рукой по ней идут странные зеленые линии.

А вскоре на пол падают зимние вещи – две куртки под наш размер, штаны с начесом, вязаные носки, сапоги, шапки и варежки. Полный зимний комплект.

«Обалдеть!» – все, что я могу подумать.

– Я пойду. Вы тут переодевайтесь. И да, вы забудете, что здесь были, – мужчина направляется к двери. – Советую одеться. Кристалл может перенести далеко от дома. Миры порой странно сдвигаются, и то место, где вы должны появиться, смещается. Хотя мои знакомые говорили, что это новые кристаллы, и они должны вернуть туда, откуда вы пришли. Но одежду возьмите – за причиненные неудобства.

Э-э...

Так и хочу протянуть что-то нечленораздельное, но сдерживаюсь.

– А почему мы вообще перенеслись? – только это и могу спросить.

– Не знаю, возможно, – он как-то странно смотрит на нас, – возможно, что-то повлияло на это. Какой-то всплеск энергии в вашем мире. Скажем так, вы влезли в межпространственную дыру. Они часто появляются, с тех пор как сдвинулись миры и пространства. Такое бывает.

Вы не волнуйтесь. Плохо, конечно, что вы, после того как уйдете, не вспомните обо мне. Но с этим я тоже ничего не могу сделать. Таковы правила, вы не должны помнить о других мирах.

Дверь захлопывается за ним.

– Мам, а кто это? – спрашивает Злата.

– Понятия не имею, – отвечаю.

– Можно? – она кивает на одежду.

– Подожди, – я подхожу к вещам и рассматриваю их.

Добротные и видно, что дорогие. Немного стыдно их брать, но если все это взаправду, то одежда нам понадобится. А если даже и сон на двоих, то какая разница, что в нем творится? Логично же.

Я помогаю Злате одеться, когда воздух вновь колеблется. Я успеваю надеть носки, штаны и кофту и схватить кристалл и куртку, когда помещение вновь вибрирует, как совсем недавно наша квартира.

Застегиваю куртку и...

...ощущаю, как утопаю в глубоком сугробе.

Почему я стою по колено в снегу? Когда мы со Златой успели поехать куда-то в горы?

– Мам, – зовет дочка. – Где мы?

Она тоже в шоке. И что-то я не помню, чтоб у нас была подобная одежда!

– Понятия не имею, – я плотнее кутаюсь в куртку, а затем и Злате поправляю шапку, съехавшую набок.

– Пошли, – беру дочь за руку.

Кажется, мы в каком-то снежном поле. Как так-то? Я же помню, как лежала в ванне, а потом воздух завибрировал. Тут – бац, и мы посреди снежного поля, одетые и обутые. Если б я была в одном полотенце, было бы хуже, конечно. Может, я просто в ванне уснула? Вода остыла, а я проснуться не могу?

– Злата, что тебе задали в школе? – задаю самый нелогичный вопрос в этой ситуации.

Просто зная законы сна, то ответ по-любому должен быть дурацкий.

– Мам, я еще не хожу в школу, – супится дочка.

Это не сон. Моей дочери пять лет.

Я хлопаю по карманам. Задеваю рукой какой-то предмет. Может, телефон?

Достаю продолговатую колбу с золотистой жидкостью. А это откуда?

Нас выкрали инопланетяне? По-другому я вообще не могу объяснить происходящее.

– Злата, где твой телефон? – спрашиваю дочь.

– На зарядке, – отвечает она, улыбаясь. – Мам, а мы где? Как сюда попали?

– Понятия не имею.

– Мамоchка, ты замерзнешь, – продолжает Злата, смешно сдвигая брови.

У нас всегда так: мне холодно, а ей хоть бы хны.

– Злата, я не знаю, где мы. Если устанешь или замерзнешь – скажи мне, я тебя понесу, – выдаю самую идиотскую идею.

Мы в каком-то поле: впереди, позади и со всех сторон сплошная снежная равнина. Куда идти? Как далеко идти?

– Мам, пошли туда, – дочка тянет меня в сторону.

Так, а вот это уже совсем ненормально.

– Почему, Злата? – я недоуменно смотрю, куда тянет дочь.

У нас компаса нет. Как определять направление в снежной пустыне?

– Не знаю, – дочка резко останавливается и испуганно глядит на меня. – Плосто нам туда.

И ты сама не знаешь, куда идти.

Ох, и это дочка, которая меня вечно тянула в обратную от дома сторону, когда я ее забирала из садика. Но я все-таки решаю прислушаться к ее ощущениям. Может, мы выйдем к

населенному пункту? Тут главное что – не раскисать. Я не должна показывать дочке, что мне страшно, или паниковать.

Мы идем долго. С каждым шагом я замерзаю. Руки уже ледяные, не спасают даже теплые карманы.

Вскоре подходим к холмику.

– Ты не устала? – спрашиваю у дочери.

У самой уже ноги горят от усталости и холода, а этому полю конца и края нет. Мне бы посидеть, отдохнуть. Но нельзя. В такой мороз надо двигаться. Еще и метель усиливается, то и дело забивая ноздри снегом. Это кошунственно, но я не могу взять свою пятилетнюю дочь на руки и тащить на себе, и очень волнуюсь, что она замерзнет раньше меня. Но Злате мороз нипочем. Порой мне кажется, что это она тащит меня за руку, не позволяя останавливаться.

Глава 2

Я пытаюсь отдышаться, а Злата бежит к огромному сугробу.

– Мам, он живой! – восторженно говорит.

– Кто живой? – я недоуменно смотрю на дочь.

Злата кладет руку на сугроб, и на нем вспыхивают два ярко-синих фонарика. Может, нас украли инопланетяне, и мы очутились на какой-то базе?

Вот только вряд ли у базы есть глаза.

Сугроб начинает подниматься.

– Злата!

Она тут же подбегает ко мне.

Мы пятимся.

Снег будто стекает ручейками с огромного ящероподобного зверя с лазурной кожей.

Похож на динозавра, проснувшегося после спячки.

Только динозавры давно вымерли! Мы явно попали на какую-то экспериментальную базу, где выводят подобных монстров. Как еще объяснить потерю памяти?

Зверь – огромный, как двухэтажный дом – расправляет огромные крылья, машет ими, избавляясь от остатков снега.

Что уж говорить про его лапы. Если наступит – мокрого места не останется.

Сощурившись, он опускает голову к нам. Принюхивается, вдыхая морозный воздух.

Я смотрю на него со страхом, прижимая к себе Злату. Хочу спрятать ее за спину, но это может разозлить монстра.

Он делает шаг к нам. Не удерживается и падает на бок. Медленно поднимается, разбрызгивая снег в стороны. Ощущение, что он напился, уснул в сугробе, а потом проснулся – и нате вам, цирковые трюки.

Он вновь пытается подползти к нам, даже дергает огромной лапой с острыми когтями в нашу сторону. Рычит от бессилия.

Я никогда не понимала фильмов, когда люди стоят и просто смотрят на надвигающуюся на них катастрофу, будь то цунами, падающий самолет или машина на скорости, но сама вот сейчас стою, не в силах сдвинуться. Инстинкты вопят бежать, но я не могу.

Зверь продолжает рыть снег, подбираясь к нам, пока мы пятимся.

По округе разносится рев. Небо заслоняет огромная тень. Над нами летит еще один зверь. Только черный.

Синий вытягивается и мотает головой, которую тут же склоняет, когда черный подлетает к нему.

В воздухе поднимается столб снега, и мы рискуем остаться погребенными под ним.

Я оттаскиваю Злату, ощущая дикую усталость и холод. В теплых сапогах не чувствую пальцев.

– Злата, пойдем, – шепчу. – Нам надо уйти отсюда.

Черный зверь заслоняет нас от синего.

– Солнышко, не бойся, – говорю Злате, не сводя взгляда со зверей.

Такие огромные, что могут одной лапой нас раздавить, но пока они заинтересованы друг другом, мы можем сбежать.

– Хорошо, мам, – шепчет дочка.

Она сжимает меня своей детской хваткой, передавая едва заметное тепло.

Спина черного монстра напрягается. Вновь раздается оглушительный рев. Миг – и он срывается на синего. Тот тут же падает, вздымая комья снега.

– Бежим, – дергаю я Злату.

Ноги утопают в сугробах. Мы даже не отдаляемся от дерущихся зверей.

Сердце бешено бьется, грозясь вот-вот замереть. А я не могу остановиться, пока хотя бы не выведу Злату из опасного места.

Холод пробирается по ногам, несмотря на адреналин, бурлящий в крови. Я заставляю себя двигаться через силу, пока Злата то и дело оборачивается к зверям.

Раздается оглушительный рев.

Я оборачиваюсь. Черный дракон повалил на землю синего, тот бьет крыльями о землю и воет от боли.

– Мама, он ее убьет! – кричит Злата, когда черный зверь прижимает синего к земле.

Черный глядит на нас стальными глазами. На миг кажется, что я уже видела их где-то... или когда-то. Зверь не полностью черный, в некоторых местах видны сияющие ярко-синим светом прожилки. Особенно на шее, когда он ее вытягивает.

Дракон расправляет огромные кожаные крылья, закрывая небо. Он очень красивый.

Раздается дикий гул и рев.

Я перевожу взгляд на лазурного: на продолговатой ящероподобной морде с тоской сияют сапфировые глаза. Зверь будто мякнул тоскливо, раскрывая огромную пасть, полную белоснежных клыков, каждый из которых в половину моего роста. Звук отдается тупой болью в моем сердце.

– Мама, – Злата дёргается, пытаюсь вырваться. – Он ее убьет. Останови!

– Злата, успокойся, – я оттягиваю дочь подальше от зверей.

Откуда она вообще понимает, что это он и она?

Эти синие глаза я не забуду никогда. Они с такой мольбой смотрят на нас, когда огромная черная лапа опускается на шею.

Отворачиваюсь.

Раздается взрыв. Я валю Злату на землю, закрывая собой. Волна льда и снега накатывает на нас, больно ударяя по телу. В меня будто всаживают ледяные пули, которые чудом не делают из моего тела решето.

Дышать тяжело. Я вдыхаю ртом воздух, впуская в легкие холод вперемешку со снегом.

Вскоре все прекращается.

Застывшая подо мной Злата пытается выкарабкаться. Я перекатываюсь на спину, ощущая жуткий холод. Хочу чашечку горячего кофе или чаю.

– Мама, вставай, – Злата тянет меня, а я не могу.

Обморожение, или как это там называется. Ноги и руки скованы, в глазах застыли слезы, превращающиеся в ледышки. Я даже не дрожу от холода, не в силах подняться.

– Мама, – Злата ложится сверху, – Пожалуйста, вставай. Я тебя соглею, ты только вставай.

Чувствую теплое дыхание дочери на шее.

– Сейчас, – выдыхаю.

Всего одно усилие.

Дочь скатывается с меня, а я пытаюсь подняться. Мне слишком холодно, чтобы я хоть как-то могла собраться с силами.

– Злата, иди, – шепчу из последних сил. – Если я не буду дышать, просто уходи.

Боже, моя дочь останется одна, без меня.

– Мама, – по щекам дочки текут слезы.

Куда она пойдет? Там черный зверь, убивший лазурного. Он разорвет Злату в один присест. Да что там – просто съест в один присест.

Плохая из меня мать. Я не уберегла дочь.

Глаза закрываются.

Глава 3

Я едва ощущаю, как меня поднимают. Это вот так душа покидает тело? Мне все еще холодно, но я чувствую тепло чужой кожи. Открываю глаза и вижу перед собой рельефную мужскую грудь. Взглядом скольжу выше. Я с ума схожу или что? Вижу волевой подбородок и плотно сжатые губы. Он мельком посмотрел на меня стальными глазами.

– Это моя мама, – рядом звучит голос Златы.

Я вновь закрываю глаза. Меня или глючит, или я умираю. Только в галлюцинациях посреди поля снега мог появиться голый мужик.

Так, голый мужик, а тут ребенок. Руку опускаю ему за спину, в районе талии нащупываю штаны. Отлично, он не голый. Интересно, а как далеко мы пройдем с полуодетым мужиком, если я в теплой одежде умудрилась замерзнуть за считанные минуты?

– Бросьте меня, только заберите ребенка, – хриплю, вновь закрывая глаза. – Можете взять мою одежду, только спасите Злату.

– Я спасу вас обеих, – слышу тихий бескомпромиссный голос.

Если б могла, я бы прошептала «спасибо», но вновь теряю сознание. Это все сон. Просто сон.

Сознание то уплывает, то возвращается. Перед глазами темнота. Я чувствую грубые руки, раздевающие меня. Слышу крики дочери, зовущей меня. Я как спящая красавица, которая не может проснуться без поцелуя принца. Только мой принц ушел пять лет назад, а ко мне подъезжали только рыцари печального копья.

– Три аккуратней. Видишь, какая у нее кожа нежная, – слышится женский низкий голос. По телу елозит нечто шершавое. Покрывает руки, туловище и ноги медленными, размеренными движениями, но проснуться не могу.

– Посмотри, какие у нее ногти красивые. Я такие же хочу. Хотя тут надо немного подпилить, – слышится второй высокий голос.

Раздается едва слышный скрежет. Мои пальцы перебирают, аккуратно растирая между ними.

– Господин любит таких, – продолжает вторая.

– Ха, эта светлая, но он хочет в жены принцессу Хели, а она темноволосая.

Я крашенная... если это имеет значение.

– А эта рожавшая. Сможет дать ему еще потомство.

Нет-нет, второй раз я на это не подпишусь. Мне одной Златы хватает. Правда, я немного обалдела, когда она как-то попросила братика.

– Так я тоже рожавшая, – говорит женщина.

– Ты не в его вкусе, – ехидно отвечает первая.

– Я не в его возрасте, – карикатурно выдыхает вторая. – Что, натерла ее?

– Да, бедняжка вся промерзла. Еще б немного пролежала, и все, спасти даже мы не смогли бы.

О боги, а как же Злата? Скажите, что у моей дочери все в порядке! Мысленно молю женщин.

– Господин мог бы оставить ее на холоде. Зачем ему еще одна любовница, когда он уже определился с избранницей?

– Слушай, наше дело простое – привести ее в приглядный вид и проверить на магию. Она чистая, аж удивительно. Ведь ее могли подослать шпионы.

– Ага, тем более они знают, какие ему нравятся. Принцесса Хели тоже могла подослать. В общем, странно это все.

– Лебра, это дело господина. Что там на уме у него – разве наше дело?

– Мне просто интересно. Ты посмотри, чего он смог добиться за такое короткое время.

– Его старший брат попросил явиться, когда на Велунье напали. Так бы и жил повелитель в своих снегах.

– Ага, только смотри, как он сплотил последователей, заделался главным и пошел покорять весь мир.

– Я нисколько не жалею, что приняла его сторону, – говорит первая.

– И правильно сделала. Я тоже не жалею, а то стояли бы сейчас где-нибудь как две отмороженные курицы.

Меня накрывают какой-то тканью. Приятное тепло покалывает, согревая, тело.

– Вот превратит тебя в статую, и будешь знать.

– Поговаривают, старший его семью убил, вот и разозлился повелитель...

– Ужас какой. Я слышала, что жена повелителя изменяла со старшим, вот и сорвался господин.

– Да-да, я тоже что-то такое слышала. Только еще слышала, что это у старшего была семья, а младший ее убил. Но что там среди драконов произошло – одному повелителю известно.

– Ужасы там творятся, вот что я тебе могу сказать...

Их голоса затихают, а я вновь погружаюсь в темноту.

Глава 4

Мне жарко и щекотно. В ноздри забивается какой-то пух, и я морщусь.

Злата. Я должна встать ради нее. Не помню когда, но я слышала ее голос, зовущий меня.

Открываю глаза. Лежу, накрытая мехом. Трудно сдвинуть его. Кажется, кто-то очень заботливый завернул меня в несколько слоев.

Тяну одну руку, пытаюсь выбраться из тяжелой западни. Почти получилось. Еще немного, еще чуть-чуть...

Есть. Одна рука на свободе.

Я с недоверием смотрю на нее. Да, девочки мне немного подровняли маникюр. Спасибо им. Еще и кожа так странно светится, будто ее блестками натерли. Освободить остальные части тела не составляет труда.

Оглядываюсь. Хм, лежу на огромной кровати. Рядом что-то воеет, будто метель на улице. Ощущение, что я в громадной палатке. Здесь вместо стен натянута какая-то темно-коричневая кожа. Напротив в ней вырезана дверь. На полу – ковер из меха.

Злата. Я должна найти дочь.

На мне легкое белое платье с бретельками. Спасибо, хоть не голая.

Пытаюсь подняться, но ноги подкашиваются.

О боже, сколько дней я пролежала без сознания?

Так, ладно. Разминаю немного ноги, массирую их, разгоняя кровь.

Злата, надо найти дочь. Вновь пытаюсь подняться. Как же тяжело.

Вновь падаю на меха.

Слышатся шаги – глухие, утопающие в мягком покрытии.

Полог откидывается, а в комнату входит огромный светловолосый мужчина в кожаной куртке на пуговицах – одежда кажется мне странной. Точно на инопланетную базу попала. Вот не ввали про секретные базы в Антарктике. Только почему я тут?

Ого, какая мощная грудь! И какие широкие плечи! Взгляд скользнул ниже – туда, где трапеция тела переходила в узкие бедра.

Мужчина прокашливается, а я поднимаю взгляд к его лицу, сталкиваясь со стальными глазами, холодно смотрящими на меня. Прямо до дрожи. У него высокие, очерченные скулы, немного впалые щеки.

– Где Злата? – нервно дергаюсь к нему, но тут же спохватываюсь: – Прошу прощения, думаю, я должна вас поблагодарить за спасение.

В его глазах вспыхивает неподдельное удивление, которое тут же превращается в холод.

Он проходит в комнату, а я замираю, заморожено глядя на него. Красивый мужик, что уж тут.

– Со Златой все в порядке. Как вы очутились посреди поля? – спрашивает он бархатным голосом с легкой хрипотцой.

– Я не знаю, – отвечаю и тут же отвожу глаза.

Тяжелый у него взгляд. Давит на меня. Нервно сжимаю мех.

– Ксюша! – зовет он.

Вздрагиваю от того, как прозвучало мое имя из его уст. Так необычно. Хочу спросить, откуда он знает его, но понимаю, что Злата сказала. Она у меня еще та болтушка.

– Ты вообще понимаешь, где оказалась?

– Понятия не имею. Где Злата? – в глазах появляются слезы.

– В безопасности. Вы очутились посреди снежной пустыни. Ваше счастье, что дракон не съел вас.

– Дракон? – нервно усмехаюсь. – В смысле – дракон?

– Тот синий зверь, что напал на вас в пустыне, – поясняет мужчина, подходя ближе к ложу.

– Там еще один был.

– Это был я, – отвечает он.

Кажется, у меня в голове появляются вертолетики. Комната кружится, пока я пытаюсь переварить его слова. Как-то не сходятся вот этот мужчина и дракон. Точнее, как оно все сходится?

– Вы? – я нервно икаю, но его взгляд из-под слегка опущенных век никак не меняется.

– Это мир льда и холода, – он склоняется ко мне, не сводя стальных глаз.

Так близко, что я ощущаю себя в коконе.

– То есть это не база, исследующая что-то паранормальное? И вы не будете ставить на мне и дочке эксперименты?

Мужчина осматривает меня сканирующим взглядом.

– Нет, это совсем не то, что ты перечислила. Это Фригус – мир холода и льда, – отвечает он.

– Оу... – выдавливаю из себя.

Что за дурдом «Ромашка»? Какой другой мир? А что, в нашем драконы есть? – тут же риторически спрашиваю саму себя. Учítывая, сколько люди занимают на планете места, подобные звери могут прятаться только на северном или южном полюсах.

Перевожу взгляд на стену. Нет, мужик явно на эскимоса не похож. Боже, что здесь происходит?

Прижимаю руку к голове, пульсирующей едва заметной болью.

– Я не понимаю, – шепчу и тут же ощущаю горячее прикосновение.

Мужчина берет меня за руку. На его запястье вспыхивает лазурная метка в форме трех огромных точек.

– Что это такое? – спрашиваю, не сводя с нее взгляда.

– Помолчи, – он вновь смотрит на меня холодными глазами.

Я делаю, как он просит, хотя у меня уже готовы сотни вопросов.

Где моя дочь – самый главный.

Мужчина разглядывает мою руку, будто хочет прочесть в ней что-то, то хмурит кустистые брови, то вновь смотрит мне в глаза. Хочется заправить прядь ему за ухо. Интересно, его волосы мягкие?

Очень странное желание – прикоснуться к незнакомому мужчине. Это все потому, что у меня мужика давно не было. Как-то после ухода отца моего ребенка было не до них.

– Злата – моя дочь, – вновь говорю, когда мужчина отпускает руку.

Он так близко, что я чувствую приятный морозный запах, витающий вокруг него.

– Ты скоро ее увидишь, – его лицо слегка кривится.

– Я могу хотя бы узнать, как вас зовут? – уточняю, ощущая жуткий страх за дочь.

Он резко разворачивается и идет к пологу, будто не слышит меня, выходит, оставляя одну.

Что с моей Златой? Вдруг с ней что-то случилось, пока я спала?

Глава 5

Страх, что с моей девочкой что-то случилось, стал еще сильнее. «Скоро увидишь» и его резкий уход никак не сочетаются.

Я пытаюсь встать, но ноги все еще не держат. Падаю на живот, приподнимаюсь на руках и ползу к двери. Моя девочка где-то там. Я должна найти ее.

Отодвигаю кожаную преграду и попадаю в коридор шириной с метр или чуть больше, тоже с кожаными стенами, который разветвляется и ведет направо и налево. Куда двигаться?

И раз – тянусь на руках, и два – опускаюсь на локти и ползу при помощи них, и три – передышка...

Я отползаю на приличное расстояние. Надо было дождаться, пока смогу встать на ноги, но выбора мне не оставили. Нормальный человек уже давно привел бы ко мне дочь. И вообще, раз начала – ползи.

Этот проход кажется бесконечным. Слышу за тонкой стеной завывание ветра. Касаюсь рукой кожи, ощущая, как в нее барабанит... град? Удивительно, что внутри так тепло. Будь это нормальное место, то здесь было бы так же холодно, как и на улице.

Вот и еще в копилку какой-то неведомой дичи.

Слышу неподалеку мужские голоса. Подползаю ближе, но понимаю, что идея так себе. Просто там, скорее всего, этот мужчина, который только что приходил ко мне.

– Я сказал, что она остается, – слышу его бархатный голос, вызывающий дрожь в теле.

– Господин, вы вправе решать, – раздается второй басовитый голос. – Мы готовы к штурму, поэтому для нас и стало неожиданностью, что вы сорвались в пустошь и принесли сюда женщину с ребенком. Я понимаю ваши пристрастия к светловолосым, но все же нельзя сбрасывать со счетов, что ее могла подослать принцесса Хели, чтобы убить вас.

– Я отправлю ее обратно после этой ночи.

Кровь стынет в жилах, когда я вспоминаю холод и мороз, прошивший мое тело. Главное, что принесли сюда ребенка. Остальное не имеет значения. Ну, почти.

– Принцесса Хели станет моей так или иначе, – продолжает мужчина, а что-то во мне отдается тупой болью.

Какое мне вообще дело, что он там хочет с какой-то принцессой?

– Это ваше решение. И все же я считаю, что это подосланная женщина, которая может вам навредить.

– Приведи ребенка. С ним она сговорчивей будет, – говорит повелитель.

Я ему все согласна рассказать, вплоть до того, как в школе лепила жвачку под парту.

– Да, повелитель.

Ох, а теперь ползти обратно?

Я разворачиваюсь и ползу в ту комнату, где очнулась. Сейчас приведут Злату. Зря я выползла.

Руки дрожат. Так передвигаться даже тяжелей, чем брести в огромных сугробах.

– Удобно? – слышу над собой мужской голос.

Сердце бьется со скоростью бегущего кролика. Поднимаю голову, встречаясь со стальным взглядом.

– Ищу дочь.

– На полу ты ее не найдешь, – меня тянут за талию, а затем забрасывают на плечо.

Я висну головой вниз и дрожу от страха – а вдруг он сейчас опять передумает?

Боже, какое же у него горячее тело. Я чувствую под ладонями исходящий от него жар.

– Пожалуйста, – шепчу.

– Я тебя тем местом не слышу, – отзывается он.

Отодвигается полог, и мы опять в комнате. Да, очень быстро добрались, намного быстрее, чем я ползла.

Меня кидают на ложе из меха. Не успеваю сесть, как сверху ложится мужчина. Сжимает мои запястья одной рукой, а второй ведет по телу. Я пытаюсь вырваться из этого внезапного горячего плена. Мое тело будто воспламеняется, кровь растекается по венам еще быстрее. Он лишь касается меня, а я горю как факел.

– Тебя прислала Хели? – спрашивает, ведя пальцами по моему лицу.

– Кто? – уточняю хриплым голосом, стойко выдерживая его стальной взгляд. – Послушайте, я понятия не имею, кто такая Хели.

– Как ты здесь оказалась?

Его рука ложится мне на горло, а сталь в глазах застывает.

Пытаюсь вырваться, но не получается.

– В вашем шатре? – уточняю, понимая, что это не совсем то, что он хочет услышать.

– В заснеженном поле.

Его рука смещается с шеи на лицо, фиксируя его. Он не делает больно, ни капли. Мое тело странно откликается на его прикосновения.

– Вы не поверите, – отвечаю.

– Говори, – в его стальных глазах вспыхивают лазурные огоньки. – Иначе не увидишь дочь.

Я рвано выдыхаю, в глазах застывают слезы, но ему все равно. Его ноздри хищно вздуваются, а темный круглый зрачок удлиняется в вертикальный, а на руке вновь вспыхивают три лазурные точки.

– Я... я не знаю. Я в ванне... в ванне купалась, а потом воздух дрогнул. Я подбежала к дочери, а потом мы очутились здесь одетые. Потом этот дракон, – отвечаю, сама не веря себе.

Хватка слабнет.

– Что делала дочь? – спрашивает он.

– Играла в... – я замолкаю.

Понятия не имею, куда мы с дочерью попали. Кошмар какой-то.

– Во что играла дочь? – вновь уточняет он.

– На гаджете, – выдыхаю.

Он отстраняется от меня, давая свободу, и усаживается напротив.

– Что такое гаджет? – спрашивает, прищуриваясь.

В этом мире не знают про телефоны и все такое? А я уж хотела попросить позвонить. Хотя кому?

– Это устройства такие, на которых можно смотреть театральные постановки. У вас же есть театры?

Мужчина кивает. Фух, значит, хоть как-то смогла объяснить.

– Еще там картинки иногда можно смешные посмотреть, но это реже.

Мужчина снова кивает, не сводя с меня взгляда.

– А к вам сюда часто попадают?

Это же чужое место! Оно ни на какое другое, мне знакомое, не походит. Это больше похоже на какие-то звездные войны.

Меня в свое время в кино на них таскал отец моего ребенка. Фу, даже имя его вспоминать не хочу.

В тех фильмах, я помню, люди жили в каких-то хибарах. Неужели я попала со Златой в нечто похожее? Ужас, никогда не хотела в такое место попасть.

Я еще тогда говорила бывшему, как хорошо, что мы не живем в таких домах, а он всегда смеялся. Говорил, что, наоборот, хотел бы хоть раз полетать на космических кораблях, даже

если придется жить в хибаре. Ему бы здесь понравилось. Особенно если бы он бы замерз в первые же полчаса нахождения здесь. Вот такая я злая.

– Понятия не имею. Если б я не почувствовал того дракона, то не нашел бы вас, – жестко отвечает повелитель, сжимая руки в кулаки. – Ксюша.

– Спасибо, – отвечаю.

– Вполне, возможно, вас кто-то сюда перенес. У тебя и у твоей дочери стоит какой-то блок в сознании. Я не знаю, кто его поставил, – продолжает он. – Вы потеряли часть памяти. И меня безумно интересует, что происходило между твоим купанием в ванне и попаданием сюда.

Я не успеваю ответить.

– Господин. Привел, – слышится тот басистый голос за пологом.

– Впускай.

Полог открывается, и дочь несется на меня маленьким белобрысым ураганчиком.

– Мама! – на шее смыкаются детские руки.

По щекам текут слезы, пока я обнимаю хрупкое тело.

– Как ты? – спрашиваю, ощупывая ее лицо.

На дочке тоже белое платье, только полностью закрывающее ее тело.

– Скучала по тебе, пока ты спала, – она утыкается в мой живот. – Я домой хочу.

Я смотрю на мужчину, не сводящего с нас глаз. Он сидит в расслабленной позе, его веки слегка опущены, но взгляд настороженный.

– Мы можем домой попасть? – спрашиваю его.

– Возможно, – кратко отвечает. – Вас кто-то ждет там?

– Нет. Отец моей дочери бросил нас, когда она была маленькая.

Дочка странно смотрит на меня, а затем поворачивается к мужчине:

– У меня не было папы, – говорит ему.

Она вполне нормально понимает, почему нет папы. Хотя устраивала истерики в детском саду, когда я приходила за ней. Как же так, у подружки есть папа, а у нее нет. Пришлось объяснять, что в жизни так бывает, и родители не могут жить вместе.

– Отец твоей дочери – какое странное утверждение.

– Ох, это еще самое мягкое! Он бросил нас, когда Злате было два месяца, – говорю, не отводя взгляда от стальных глаз. – Так все-таки... мы сможем как-то попасть домой?

– Возможно, но у меня есть условие, – отвечает мужчина, его взгляд останавливается на Злате. – Не при ребенке. Злата, попрошу тебя выйти из комнаты.

Дочка жметя ко мне.

– Мама только плюснулась, – отвечает она, а я прижимаю ее к себе.

– Мама хочет, чтобы вы вернулись домой. Я хочу с ней поговорить наедине.

Холодок пробежал по спине. Мне совсем не нравится то, как он смотрит на меня и на мою дочь. Что он задумал?

Глава 6

– Нет-нет, пожалуйста! – Злата еще крепче сжимает меня в объятиях.

Она и так была без меня неизвестно сколько времени, еще пять минут наедине с этим мужчиной я перетерплю, только если мы попадем домой.

По кровати ползет морозная вязь – тонкая и кружевная, охватывая все больше пространства и подбираясь к мужчине.

Он тут же подскакивает на кровати, потому что эта штука ползет по его сапогу. Щелкает пальцами, и иней тут же тает.

Мужчина хмурится, не сводя с меня взгляда.

– Злата, выйди из комнаты, – тихо говорит он.

– Нет, моя дочь не будет слушать незнакомых мужчин, – возмущаюсь я и беру дочку за лицо. – Злата, подожди еще немного. Скоро все закончится, и мы будем дома...

Злата сильнее прижимается ко мне, глядя на мужчину. Она не дрожит, но я ощущаю, что ей не по себе. Бедный ребенок. То на холод попала, то увидела, как два зверя дрались, и один умер.

– Злата, все будет хорошо. Мы вернемся домой, и ты досмотришь свой мультик.

– Хорошо, мам, – ворчит она, и я тут же разжимаю руки. – Я домой хочу. Мне тут скучно. Тут даже поиграть не с кем.

Она поднимается и смотрит на мужчину:

– Не делай ничего плохого маме.

Мужчина усмехается уголком губ. Мне это еще больше не нравится.

– Конечно, мы просто поговорим с твоей мамой как два взрослых человека, – отвечает, и его лицо разглаживается, теряя суровость.

Но это лишь иллюзия. Злата настожено кивает и выходит. Пусть это не будет ошибкой. Я вся трясусь от того, что отпускаю сейчас малышку. Ладно, ведь пока я валялась в отключке, с ней ничего страшного не случилось? Я успокаиваю себя сейчас, понимая: будь что будет. Не в нашем положении вставать в позу, если этот мужчина сможет нас отправить домой.

– Это ведь дурной сон, да? – спрашиваю, когда ребенок покидает комнату.

– Боюсь, что нет, – он медленно надвигается на меня.

Веки слегка опущены, а движения расслаблены.

Я обхватила себя за плечи. Что он хочет сделать?

– Она сильно испугалась? – спрашиваю его.

– Здесь ребенку не причинят зла, дети нужны – это будущие воины и матери.

Куртка скользит по его плечам и падает на пол.

Внутри сладко замирает, когда он тянется к завязкам на рубашке. Ослабляет их, не сводя с меня взгляда. Еще и разговор тех двух женщин вспоминается – «ему нравятся светловолосые». Подумаешь, что там отросли темные волосы на пару сантиметров. Дел-то, если краску для волос в этом мире найду, то и не заметит никто.

– Вы не знаете, как нам попасть домой, – говорю, когда он уже совсем близко.

Мужчина садится на кровать, а я подтягиваю ноги к груди. Шевелю пальцами, наконец вернувшими себе способность двигаться. Что ж, хоть это радует.

– Ребенку не место в том мире, – отвечает он.

Меня сейчас будто очень здорово треснули по голове. Я нервно моргаю, не сводя с него взгляда.

– Простите... что? – недоуменно улыбаюсь ему.

– Девочка должна остаться тут, – он садится так близко ко мне, что в любой момент я могу накинуться на него и исцарапать за эти слова.

– Вы смеетесь? Это моя дочь. И до ее совершеннолетия только я решаю, где ей находиться! – возмущаюсь.

Какой-то бесконечный цирк.

– Скажи, ты хоть раз замечала в ней что-нибудь необычное? – мужчина никак не реагирует на мою браваду, придвигаясь еще ближе.

Нас разделяют всего несколько сантиметров, а я вижу только его стальные глаза.

В этот момент на меня накатывает волна дежавю. Будто уже такое было. Ага, когда Фил меня впервые поцеловал. Мы сидели вот так на его диване. У этого повелителя даже руки согнуты в той же манере и позе.

Я мотаю головой, отгоняя эту иллюзию, и сосредотачиваюсь на вопросе и словах, сказанных мужчиной.

– В каком смысле? – спрашиваю. – Моя дочь – самая обычная девочка. Да, она схватывает на лету, хорошо учится, готовится к школе. Извините, но она со мной со дня зачатия, я ее знаю лучше всех.

Умалчиваю, что иногда ленится произносить правильно буквы, но логопеды говорят, что такое бывает и с возрастом пройдет. Особенно, когда она пойдет в школу и там будет прислушиваться к другим детям.

– То есть в снежной пустыне тебя ничто не насторожило? – забывает он очередной гвоздь в мое самообладание, которое вот-вот раскрошится.

Я закрываю ладонями лицо, ощущая, как из глаз катятся слезы. Я всегда это замечала и в то же самое время не акцентировала внимание – Злата не боится холода. Я ежилась, а дочка могла откинуть одеяло или расстегнуть куртку. Пока я пробовала закутать ее при минус двадцати, дочь пыталась снять одежду. Так было всю жизнь с самого ее рождения.

Перед глазами всплыл момент ухода Фила. Он уходил зимой. В футболке, поверх которой накинул куртку.

– Отец моего ребенка, – всхлипываю. – Это все его гены. Он тоже холода не боялся. Но моржи не редкость в нашем мире.

Я снова смотрю на него, чувствуя непонимание.

– Говорю как есть. Твой. Бывший. Муж, – цедит он четко каждое слово. – Из. Этого. Мира.

– Вы его знаете? – с надеждой спрашиваю.

Интерес больше спортивный. Я в жизни бы не подумала, что Фил из другого мира. Тогда понятно, почему он ушел. Нет, совсем непонятно. Мог бы сказать, забрать нас с собой. Боже, как я тогда пережила это все? Развод, приходы полиции. Потому что мой муж нигде не объявлялся, последний раз его видели на работе. Да, в ту ночь он ушел, где-то переночевал, а на следующий день уволился.

– Ты можешь вернуться домой, но Злата останется здесь. В ней уже проснулись силы.

Это сон. Или кошмар наяву. Или... я не знаю что.

– Я не могу ее бросить.

– А я не смогу следить за тобой. Твое тело не готово ко льду и холоду. Ты просто не выживешь. Тем более даже Злата может навредить тебе, как бы страшно это ни звучало. Думаешь, почему ты так быстро замерзла в снежной пустыне? А почему не могла проснуться? Злата чуть не убила тебя. Неумышленно, конечно, она тебя спасти хотела, но вместо этого забирала силы. Вполне возможно, что в том мире ее магия была приглушена. Но у нее произошел эмоциональный скачок, и вы оказались тут.

– Этого не может быть, – шепчу, вспоминая, что перед попаданием сюда сказала Злате, что она у меня в печенках сидит.

Моя дочь так сильно обиделась на меня, что перенесла в другой мир?

– Ваш какой интерес к моей дочери? – закипаю.

Я сжимаю кулаки. Мужчина лениво переводит на них взгляд и вновь смотрит на меня из-под полуопущенных век.

– Драконов в этом мире почти не осталось. Злата – дракон, одной со мной крови. Мы родственники.

Боже, да что ж столько потрясений на один квадратный метр за сегодня?! Я-то помню, что Фил никогда не знакомил меня с семьей. Говорил, что у него есть братья и сестры, но живут они очень далеко, и он их не навещает. Теперь понятно почему.

– Филипп – ваш брат? – спрашиваю.

Так вот почему мне кажется, что я уже где-то видела эти черты лица и манеру двигаться.

На секунду мужчина замолкает, а взгляд перемещается на стену, куда ударился град, но затем стальные глаза возвращаются ко мне.

– Да, но его уже нет...

Я качаю головой, думая, а что бы изменилось, скажи Фил мне, что он из другого мира? Я бы не поверила. Я бы его возненавидела тогда. Мне потребовалось время, чтобы отпустить его. И если бы не Злата, которая стала моим смыслом жизни, то я бы не оправилась от разрыва с ним. Мне было очень больно, но с каждым днем, годом боль в сердце становилась тупее, и я могла нормально дышать без него. Я его отпустила.

– Почему он ушел от нас?

В сердце что-то натужно заныло. Если бы он тогда сказал, почему уходит. Но он решил просто поссориться, чтобы я ненавидела его. Что если он знал, что не вернется?

– Потому что здесь началась война, – усмехается мужчина, будто это какая-то прогулка, и тут же в его глазах появляется грусть. – Он хотел вас защитить и сделал все, что смог. Все, Ксюша, хватит. Еще раз говорю: ты можешь вернуться в тот мир, но Злата останется тут.

Я понимаю, что он не шутит. Какие тут шутки, когда мужик может превращаться в огромную ящерицу?

– Вы серьезно или издеваетесь? Какая мать бросит своего ребенка? – спрашиваю, приподняв бровь.

– Та, которая может умереть из-за своего ребенка. Злата для тебя опасна. И я не шучу.

– Классно получается. Муд... женек заделал ребенка, свалил в другой мир, оставив меня с дочкой, у которой проявились силы? – скептически спрашиваю.

– Это она вас сюда перенесла. Да, Злата сильнее, чем предполагалось, даже несмотря на то, что полукровка.

– Вы понимаете, что маленький ребенок, который всю жизнь жил с матерью, не поймет, почему она его оставила?

– У Златы здесь есть бабушка, у нее будут лучшие учителя.

– Никто из них не заменит мать, – качаю я головой.

В сердце давно уже такая черная дыра, что я просто срываюсь и кидаюсь на мужчину. Хочется расцарапать ему глаза, вырвать сердце, оставить его истекать кровью, но я просто жмусь к нему. К бесу гордость, я хочу остаться со своей девочкой. Мне больше ничего не нужно.

– Прошу, оставьте меня с ней, – по моим щекам текут слезы.

– Я не могу гарантировать твою безопасность, – он сжимает меня в объятьях.

– Она моя дочь, как бы я ни ненавидела ее отца, но молю вас. У меня никого, кроме нее, нет... – шепчу, трусь о его крепкое тело. – Я... я все что угодно буду делать. Только не разлучайте нас.

У меня ощущение, что я какую-то статую обнимаю.

Он спокоен и невозмутим, будто и не говорил матери, что забирает у нее ребенка. Чувствую жар его рук на моей талии. Его сердце мерно бьется в груди, тогда как мое готово прострелить грудную клетку насквозь. Он слегка сминает ткань моего платья.

Так делал Фил. Если закрыть глаза и представить, что я прижимаюсь не к твердой груди, а к мягкому животу, то один в один. Да ладно. Что, братья не могут обнимать женщин одинаково?

Боже, мой бывший муж – дракон. Вот так живешь с человеком и не знаешь, кто же рядом.

– Я так не могу, Ксюша, – отвечает он, отстраняясь от меня. – Пойми, вопрос не в том, останешься ты с дочерью или нет, выбор стоит между твоей жизнью и смертью. Филипп хотел, чтобы ты жила. Я не он и не могу гарантировать безопасность.

Его стальные глаза безотрывно смотрят в мои, будто он хочет там найти какие-то ответы на свои вопросы.

– Ничего страшного. Хотите, служанкой останусь? Да хоть поваром. Я готовить умею, только не разлучайте с дочкой.

Этот мужчина смотрит так, как смотрел Фил. Даже эмоции, с которыми он уходил, сейчас так похожи.

Да что ж у него сердце ни разу не екает, пока я распинаюсь?!

– И все же ты здесь не просто так, – он пропускает прядку моих волос сквозь пальцы.

Глава 7

– О, я это поняла, когда проснулась на вашем ложе, – я цепляюсь за его рубашку.

Какой же он красивый и сильный. Так и хочется провести руками по его крепкому телу. Ох, что за мысли, Ксюша? Он у тебя ребенка хочет забрать. Ему вообще нельзя доверять!

– Послушайте, я намного крепче, чем вы думаете. Я смогу постоять за себя. И вообще, раз вы какой-то волшебный, то, может, сможете сделать так, чтобы моя дочка не могла мне навредить?

– Только она сама должна это контролировать. Малейшая эмоция – и у нее происходит выброс силы, – поясняет мужчина.

Его рука скользит по моей спине, вызывая легкую дрожь. Мне немного холодно, и в то же самое время становится жарко. Я же лежу на нем. Мне немного стыдно за свои действия, но выбора нет. Я должна сделать все ради того, чтобы остаться с ребенком.

Ну же. Я же слышала, что тебе нравятся блондинки, ящерица ты ледяная.

Чувствую горячее прикосновение к лодыжке.

– Что вы делаете? – не свожу взгляда с его руки, скользящей по ноге.

Але, Ксюша! Он к тебе пристаёт!

Кровь растекается по венам, будто раскаленная лава. Мне нравится, как он меня касается. Я не рассчитывала, что мое тело так будет реагировать на него, хотя мы почти незнакомы.

Ладно, он почти родственник, учитывая, что он родной дядя Златы.

Совсем ненормальная реакция.

– Это так странно, – говорю, пытаюсь отползти от него, но куда там: меня резко хватают и тянут на себя.

– Тише, Ксюша, – хрипло говорит мужчина. – Кто тебя подослал ко мне?

– Я же все вам рассказала.

– Ты знаешь, что это такое? – он вновь показывает мне колбу с золотистой жидкостью. – Это нашли в твоей куртке, после того как я принес вас сюда.

– Я понятия не имею, что это такое, – нервно отвечаю и замираю, когда мужчина втягивает воздух рядом со мной.

– Врешь, – говорит он. – Ты знаешь, что это такое.

– Я не знаю, честно, – пытаюсь отползти.

– Зачем тебя подослали ко мне? – вновь рычит он, надвигаясь на меня. – Ксюша, я был добр. Ты должна вспомнить.

– Да? Как я вспомню, если вы сами сказали, что у меня какой-то блок? Пожалуйста, просто оставьте меня в покое.

Я нервно вздрагиваю, глядя, как в его глазах круглый зрачок вновь становится вертикальным.

Тоже мне нашелся, герой постельного войска!

В один момент он вновь оказывается рядом.

Миг – и наши губы соприкасаются в яростном поцелуе. Мы рычим, чуть ли не кусая друг друга. Его безумие передается мне, или я передаю ему свое. Запускаю пальцы в его длинные волосы, притягиваю к себе. Мужчина вжимает мое тело в себя так, будто ему мало меня.

– Почему ты не помнишь? Почему не у... – отрывается от меня, не заканчивая последнюю фразу. – Почему ты здесь именно сейчас?

Его слова отдают некой болью. Вот только его сердце спокойно бьется в груди, будто замороженное. Хотя замороженное и вовсе не билось бы.

– Не знаю, – хриплю в ответ. – Это же все Злата, как ты сказал.

После поцелуя уже точно нет смысла называть его на «вы». Я понимаю, что происходит нечто странное. Все так знакомо до дрожи. Этот поцелуй, его губы на моих, одно дыхание на двоих.

Он ведет пальцем по моему лицу, а тело отзывается на каждое касание.

Внизу живота скручивается тугой узел. Жар разливается по венам. У меня пять лет не было мужчины. Да, с той поры, как ушел мой муж. Хм, можно даже сказать, что не было мужика еще до родов.

Он отрывается, а в его глазах бушует торнадо. На секунду улавливаю знакомый взгляд – так отец моего ребенка смотрел на меня с любовью. Только его любовь была лживой. Так и здесь. Эта эмоция – всего лишь мираж. Только вождление. Женщинам иногда хочется ошибаться в мужских взглядах в их сторону.

Но хуже становится, когда его рука скользит по моему бедру, задирая юбку.

– Ксюша, почему сейчас? – продолжает мучительно-сладкую пытку.

Не одна я нахожусь в такой непонятно странной неге. Он трется лицом о мое. Щека к щеке. Вдыхает мой запах. Безумие какое-то, хотя я чувствую то же самое.

В жизни не думала, что мое тело может так реагировать на незнакомого мужчину. Особенно когда он зарывается пальцами в волосы, слегка сдавливая их и шепча мое имя. Как Фил.

Фу, да что ж он лезет ко мне в голову вечно?! Это же совсем другой мужчина. Пусть даже и похож на бывшего. И выглядит лучше, хотя мне нравилась пухлость Филадельфии.

На меня накатывает холод, такой же, как пять лет назад, когда бывший сказал, что он уходит. Я больше не хочу, чтобы меня трогали, обнимали и целовали. Ощущение, что на меня сбросили кучу льда.

– Да не знаю я, – пытаюсь оттолкнуть его. – Хватит, прекратите.

Не хочу, чтоб он так касался меня. До дрожи, до жара, до подворачивающихся пальцев на ногах.

Нет-нет. Хватит. Это неправильно.

Мужчина приподнимается на руках и смотрит мне в глаза. Его зрачки вернулись в норму, а стальные глаза снова полны холода. Будто он сам только что не сгорал в моих объятиях. И это мы еще просто целовались и обнимались.

Он вновь склоняется ко мне, а я резко отталкиваю его.

Комнату заполняет звук бьющегося стекла.

Странно, что колба вообще разбилась, упав на ковер.

Мужчина нехотя выпускает меня из своих объятий. Я слегка приподнимаюсь, понимая, что очень растрепанная. На ковре видны следы золотистой жидкости и осколки стекла. Я нервно ежусь.

Вижу глаза мужчины, глядящие на меня с недоумением, а затем он опять тянется ко мне. Но я больше не хочу. Еще пять минут таких поцелуев – и я захочу тут остаться ради него, а не дочери.

Мы тяжело дышим, скрестив взгляды. Да что ж он так на Филадельфию в этот момент похож?! Вот реально! Ему бы карие глаза – и вылитый он.

На меня что-то находит, и я, собрав все силы, толкаю мужчину с ложа с одной мыслью – надо держаться от него подальше. Он, не ожидая, даже не успевает сгруппироваться, и исчезает.

Я моргаю один раз, второй. Он же только что тут был. Что произошло?

Его нет минут пять. Я не решаюсь сдвинуться с места, потому что вряд ли объясню его людям, куда подевался их повелитель... или кто он им?

Глава 8

А что, если эта жидкость испаряет людей? То-то он на меня так накинулся с расспросами. Но я честно не помню, что произошло перед нашим попаданием сюда. Тру виски, пытаюсь сообразить, что делать. Так, надо забирать Злату и... что дальше?

Не знаю, не знаю. Я просто не знаю, что делать в чужом мире. Да попади я в другой город, тоже не знала бы, что делать, но там хоть цивилизация есть, а здесь что? У-у. Вот будь на моем месте подруга Настя – она бы придумала. У нее фантазия богатая, как придумает что-нибудь вечно. Она бы уже точно палатку разнесла.

А жду не пойми чего. Стою. Опускаю голову, понимая, что ноги уже двигаются, хотя ощущение, что они – один сплошной синяк. Делаю шаг.

Фух, я хожу.

– Повелитель! – слышится за пологом. – Там это...

Я нервно сглатываю. Упс, кажется, их повелителя случайно убило.

– Повелитель! – вновь раздается раскатистый бас. – Уснул он, что ли? – теперь полусе-потом.

– Занят, – отвечаю грубо, насколько могу.

– Повелитель. Вы очень нам нужны.

– Занят, – повторяю.

Что они пристали к своему повелителю? Что, не понимают, чем он может быть занят с женщиной наедине? Тем более с женщиной, у которой ребенка увели!

– Повелитель! – не сдастся тот мужик.

Да что я-то сделаю? Тут ни шкафа, ни еще каких-то комнат нет.

Я подлетаю к кровати, сооружая из меха огромную кучу, залезаю внутрь. Все, теперь нас двое.

– Повелитель! Я сейчас войду.

– Я не разрешаю! – рывкаю.

Ох, что ж этот повелитель так не вовремя испарился? Я же не могу вместо него править. Начинаю стонать.

– О, да, мой страстный зверь, – уже своим голосом. – Да, да, вот так...

А что еще делать? Пусть знают, что тут все не просто так.

– Может, позже зайдем? – слышится за пологом второй голос, более мягкий, чем у предшественника.

– Да, да, и вот так... – вновь стону я, извиваясь под грудой меха, давящей на меня огромным весом.

Чего не сделаешь, чтобы выжить.

– Повелитель.

– О, да... – вновь стону я.

Да что они такие настырные?!

– Вот дрянь светловолосая, – слышится ругань. – Вечно он на них западает.

– Если он нас услышит... – испуганно говорит второй голос.

Ответа не следует. Полог резко открывается, пока я тяжело подбрасываю вверх меха, имитируя бурную деятельность.

– Где повелитель? – спрашивает огромный мужик с такой кустистой бородой, что кажется, там птицы гнездо свили.

Я нервно сглатываю, когда мужчина подходит к кровати и снимает все меха одним махом.

М-да, по сравнению с повелителем – этот просто гигант. Взгляд его карих глаз не предвещает ничего хорошего, когда он с яростью смотрит на меня.

Тянет свою мозолистую лапищу и хватает за руку. Одним рывком поднимает, прижимая к себе.

– Где наш повелитель, светлая ведьма? – чуть не плюется. – Думаешь, мы поверили в твое представление? В комнате магии прослушивания нет, а значит, и его нет.

Я хлопаю глазами, пытаюсь не дрожать от страха.

– Не знаю, – лепечу. – Он был тут, а потом исчез.

– Повелитель не умеет исчезать, что ты с ним сделала, тварь? – он трясет меня, а я пытаюсь вырваться из его крепкой хватки.

– Так с девушками не обращаются! – взвизгиваю, пытаюсь зарядить хаму между ног. – Понятия не имею, где ваш повелитель. Был тут, и нет. Отпусти, придурок.

Мне все-таки удастся попасть ему по коленке. Мужчина морщится, но не отпускает, буравя меня гневным взглядом.

– Не будь ты светловолосой и рожавшей, – рычит мне в лицо, – убили бы тебя тут же.

Ладно, не буду говорить, что я крашенная. А вот про рожавшую – страшно. У них что, разрожала, то еще надо? Не-не, во второй раз я на такое не подпишусь.

– Я сюда случайно попала, – отвечаю, пытаюсь отстраниться от него.

– Так попала, что исчез повелитель? Из шатра он не выходил, здесь его нет. Так что, светловолосая ведьма, у тебя большие проблемы, – он скручивает мои руки и тащит за собой.

– Я крашенная, – вставляю, пытаюсь вырваться.

Мои ноги, еще не пришедшие в норму, волочатся по земле. Я не знаю, куда он меня ведет, но страшно до такой степени, что сердце вот-вот выскочит из груди. А как же моя дочь?

Слезы текут из глаз, пока ноги еле поспевают. Руки в таком положении, что дернись я лишний раз – точно сломаются.

По телу проходит мороз, когда меня выталкивают на улицу. Кожа тут же покрывается мурашками, а я с ужасом оглядываюсь.

Здесь огромный палаточный городок, простирающийся на многие километры. И если шатер повелителя огромный, то остальные маленькие.

Вокруг нас стали собираться мужчины.

Бородач вновь меня хватает и без единого слова ведет куда-то. Босые ноги ступают по протоптанному снегу, а я понимаю, что пневмония мне точно обеспечена.

– Так, может, поищите его где-нибудь? – шепчу я, вновь ощущая жуткий холод в каждой клеточке тела.

Где же этот повелитель? Нашел время испаряться.

– Молчи, ведьма, – цедит мужик, впихивая меня в соседний шатер.

Внутри шатра сидят две женщины средних лет, закутанные в шубы. При виде нас они тут же поднимаются, недоуменно глядя то на меня, то на бородача. Перед ними стоит столик с чайником и двумя дымящимися чашками. Приятный травяной аромат витает в воздухе.

– Из-за нее исчез повелитель, – говорит бородач басом.

– Она чиста, как королевский пруд в Филксе, – пожимает плечами пухлая женщина. – Мы обследовали ее вдоль и поперек.

– Влезьте в ее голову, – продолжает бородач, пока я пытаюсь отойти от него.

Женщины переглядываются между собой.

– Повелитель не разрешил, – говорит долговязая, поправляя огромный шарф на своей шее. – Мы просмотрели ее вещи, ее саму – она чиста. Даже магией не обладает. Тем более она вам больше пригодится с нормальным мозгом.

Я нервно вздрагиваю. Что это все значит?

– Гвендир, – вставляет вторая. – Давай мы просто осмотрим место пропажи повелителя, может, что и найдем?

– Ладно, идем, – бородач вновь хватает меня за локоть и тянет по холоду.

Это точно дурной сон. Мне так холодно, что лучше пусть просто убьют меня. Вот только умирать нельзя, я еще Злату не вырастила. Ух, ладно. Придумаю, как выкрутиться. Все ради дочери.

– Гвендир, а ну стоять! – рявкает полненькая. – Мы ее с того света вытащили, а ты ее в мороз. Она же из рожавших. Если ее оставил повелитель, значит, хотел, чтоб она потомство принесла. Потаскаешь ее по морозу – и все.

– Боже, я просто хочу со своей дочкой домой! – вырываюсь я. – Не трогала я вашего повелителя! Не нужен он мне! И рожать тем более никому не буду!

– Будешь делать то, что скажет повелитель, – долговязая достает из сундука те вещи, которые были на мне, когда я тут очутилась. – Гвендир, выйди. Не смущай девку.

– Я посмотрю, – отвечает он, а перед ним тут же возникает полненькая, которая ему по грудь.

– Смотри на меня, – говорит она, улыбаясь во все зубы. – Видишь, какая я красавица.

– Ай, Мириния, отвали, – машет рукой бородач, пытаясь отодвинуть ее.

– Ты, главное, не перечь, – слышу голос долговязой, пока натягиваю носки и штаны на ноги.

Какое блаженство ощущать тепло!

– Повелитель хоть и суровый мужчина, но справедливый. Раз вас с дочкой оставил, значит, есть у него на вас планы.

– А где Злата? – спрашиваю, поворачиваясь к ним спиной и стягивая платье.

Плевать мне на этого мужика. Тут вещи теплые.

– В главном шатре ее держат, под защитой, – отвечает женщина, забирая платье. – Ты не волнуйся, ничего твоей дочке плохого не сделают. Ты же долго спала, вот ей тоже выделили место.

Ага, только учитывая, что моя дочь тоже дракон... Боже, поверить в это не могу. Она никогда не проявляла ничего такого. Даже магии. Только просила всегда, чтоб был холод, и все.

– Она должна быть рядом со мной. Только так она в безопасности, – разворачиваюсь.

Женщины переглядываются между собой, а Гвендир сверлит меня буравящим взглядом. Если б не эти две, то даже страшно представить, что бы он сделал со мной.

– Не хочется тебя обижать, – отвечает Мириния. – Но твою дочь может защитить только повелитель. А ты обычная женщина.

– Это еще тебе повезло, что светловолосая. Будь темноволосой, то оставил бы тебя господин мерзнуть в поле.

– Ее подослали. Разве никто этого не видит, кроме меня? – вновь рычит Гвендир, а я нервно ежусь.

– Все решает повелитель. Если он сказал ее оставить, значит, она остается.

– Пока он с ней не наиграется, и она не всадит ему нож в сердце, – вновь рычит он. – Или она уже всадила и спрятала труп.

Ну, в чем-то он прав. Он действительно испарился. Может, тот блок, что стоит в моем сознании, как раз это и скрывает. Видимо, мне кто-то сказал, что эта колба с жидкостью испарит дракона.

Женщины молчат, а я натягиваю куртку и застегиваю ее. Все, тепло.

– А можно попить чего-нибудь? – жалобно спрашиваю, глядя на чайник.

– Да, конечно, – долговязая берет свою кружку и протягивает мне.

Я немного брезгливо смотрю на нее, но запах трав успокаивает.

– Я только налила, – отвечает она, видя мое смятение.

Ох, я порой невежа.

Глава 9

Я немного дую и, когда чай немного остывает, отпиваю. Приятное тепло разносится по телу. В горле больше не сушит, а я будто заряжаюсь энергией. Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что выпей я это перед попаданием в снежную пустыню, то прошла бы ее вдоль и поперек, еще бы и Злату на себе понесла.

– А как хоть зовут вашего правителя? – спрашиваю.

– У него много имен, – усмехается долговязая. – Он предпочитает, чтоб его звали правитель Браргот.

– Так, идем, посмотрим, что там с нашим правителем случилось, – командует Мириния, когда я ставлю кружку на столик.

Мы выходим из шатра женщин и направляемся обратно в правительский. Гвендир вновь скрутил мне руки, не позволяя толком шевелиться.

Ноги уже слушаются. После выпитого отвара мне стало намного лучше.

Только Мириния открывает полог в главном шатре, как из него выходит тот самый правитель.

Он медленно осматривает нас, останавливая взгляд на моих руках, скованных огромными ручищами бородача.

– Отпусти ее.

Хватка на руках слабнет, а я тут же начинаю растирать затекшие запястья.

– Повелитель, я зашел в ваш шатер, а вас не было, – тут же начинает оправдываться мужчина. – И она там...

– Что? – смотрит со слегка опущенными веками на Гвендира.

– Близостью без вас занимается. Еще и под вас косила, – сдает меня с потрохами.

– Хорошо сымитировала? – уточняет, приподнимая бровь, и получает в ответ скептический взгляд. – В общем, что ты хотел?

– Над Хельгардом белые флаги висят. Принцесса Хели сдает столицу.

– Чудесно. Отправь Ксюшу к остальным.

– А можно к Злате? – влезаю я, но вижу такой стальной взгляд, что сразу тушуюсь под ним.

Браргот подходит ко мне, пальцами аккуратно поднимает подбородок.

– Нет. Ты не в безопасности рядом с ребенком, – отвечает он.

Ощущаю приятный морозный запах, исходящий от него. И не только его. Втягиваю воздух, и в глазах немного слезится. Так, или в этом мире пользуются женскими духами... или этот правитель разлил на себя мои.

– Это же мои Живанши! – констатирую факт. – Вы что, в моей квартире были?!

А у меня там еще и стирка недавно была. Трусея на сушке висели. Ох, если он еще и их видел...

Он отпускает меня без ответа. Только эти духи я узнаю везде. Это те самые, которые когда-то мне подарил Фил. Единственное, что я оставила после бывшего. Рука не поднималась их выбросить. Пользовалась ими иногда. Вот, например, на последний корпоратив брызгалась. Аромат врзается в память, как и память о мужском предательстве.

На лице Браргота появляется ликующая улыбка.

– Отлично. Тогда готовимся войти в город как победители, – радушно отвечает он, а я на секунду вновь ловлю в его движениях нечто знакомое.

Перевожу взгляд на его пояс. Там висит колба, заправленная за ремень. Целая и невредимая, правда, без золотистой жидкости. Значит, та колба – и есть портал домой! И она пуста.

Значит, мы домой не попадем? Я нервно моргаю – на самом доньшке появилось что-то золотое. Само по себе. Вот пару секунд назад этих капель не было. А может, этих капель хватит?

– Пойдем, дорогая, – Мириния берет меня за плечо, пока я не свожу взгляда с правителя. Браргот. Что-то не особо идет ему это имя.

– Фил, – шепчу я, пока меня оттаскивают куда-то.

Я вижу, как он мельком смотрит на меня и тут же отворачивается, будто ничего не слышал. Или слышал и откликнулся? Да нет. Мне просто показалось. Примеряю на него это имя, понимая, что оно ему подходит.

Фил никогда не смотрел на кого-то со слегка опущенными веками. У него никогда не было такого стального взгляда. Да у них даже цвет глаз отличается. У бывшего глаза были карие, а у этого серые, как мрачное небо. Я точно ошиблась. Вот только почему все его движения так напоминают бывшего?

– Пожалуйста, отведите меня к дочери, – гоню от себя плохие мысли, обращаясь к женщинам. – Моя Злата без меня не может.

Давлю на жалость. Они же наверняка тоже чьи-то матери, так пусть и меня поймут.

Мириния качает головой из стороны в сторону, а мое сердце, и без того лихорадочно бьющееся, вновь падает вниз.

Весь лагерь приходит в движение. Пока мужчины в броне идут нам навстречу, мы направляемся куда-то вглубь лагеря.

Так, из того, что сегодня произошло, я поняла одно – колба с жидкостью отправляет домой, по крайней мере, этот правитель точно побывал там, когда пропал. Злата жива, с ней все хорошо. Осталось только найти место, где ее спрячут. А с тем, что она небезопасна для меня, тоже разберемся. Она же ребенок? Правильно, значит, можно что-то придумать. М-да, подкинул мне жизненную неприятность бывший. Чем он вообще думал, когда заделывал мне ребенка?

– Ты не волнуйся. Тут главное – взять город, а потом у тебя будет куда больше шансов увидеть дочь, – подбадривает Мириния. – Сама понимаешь. Какая-нибудь помеха – и все, перемолотят вас мигом, а правителю этого очень не хочется.

– Поэтому он прячет дочку от матери? – цежу я сквозь зубы.

– В теории он мог бы тебя запустить в тот шатер, но лучше не надо, – отвечает долговязая.

– Что происходит? – я резко останавливаюсь.

Что-то мне это совсем не нравится. Особенно их слова. Это все равно что держать долгую интригу, а потом объявить, что кино не будет.

– Дождись повелителя, – отвечает Мириния, толкая меня дальше. – Он тебе все объяснит.

– Да что объяснит?!

– Вот зря ты ей это вообще сказала, она же сейчас надумает. Все в порядке с твоим ребенком – это единственное, о чем ты должна думать. Иначе и вовсе ее не увидишь, если будешь дергаться, – резко отвечает долговязая.

– Я просто не могу успокоиться. Мне постоянно кажется, что она там без меня одна, – обхватываю себя за плечи.

– Ты мать. Это нормально, что ты беспокоишься о своей дочери, – мягко улыбается ведьма. – Но все же успокойся.

– А вдруг с ней что-то случится?

– Пф-ф, ты с кем-то путаешь нас, определенно. За ней смотрят лучше, чем за королевской казной. А это что-то да стоит.

– Надеюсь, ее там никто не обидит, – выдыхаю я.

Ну чего я так? Все же в порядке. Я ее видела. Да, мы сейчас не вместе, но вскоре соединимся. Обязательно! Тут ни один повелитель не сможет встать между нами.

– Скорее она кого угодно обидит. Небезопасно тебе быть рядом с дочерью, – ответила долговязая.

– Вы издеваетесь? – вновь закипаю я. – Я ее пять лет растила! Если б мне угрожала хоть малейшая опасность от дочери, то здесь меня бы уже не стояло!

Только кто меня будет слушать?

– Нам нельзя, пока не разрешит повелитель, – отвечает долговязая. – Тем более твоя дочь сильная. Нам еле удалось тебя спасти.

Я замираю, вспоминая слова повелителя о том, что Злата для меня небезопасна, потому что выкачивала каким-то образом мои силы.

– У твоей дочки сильная магия, которая чуть не убила тебя. Она не могла с тобой ею поделиться, – отвечает Мириния. – Когда тебя притащил повелитель, ты была без сил. Твоя дочь хотела тебя заморозить так, чтоб ты выжила. Если знаешь, можно погрузить тело в вечный сон. Из него можно разбудить кого-то, но это должен быть либо тот, кто погружал, либо равный по силе. Тебе повезло, что она ребенок, и нам удалось тебя воскресить.

Я выдыхаю. Они правы, а я слишком импульсивна. Нужно всего лишь довериться им. Выбора другого нет.

Меня заводят в очередной шатер, полный девушек. Светловолосых девушек в мехах. Они недоуменно смотрят то на меня, то на моих сопровождающих.

– Это новенькая, – говорит Мириния.

– Мириния, что происходит? – поднимается одна из них с пышными пшеничными волосами.

– Хельгард вывесил белые флаги. Повелитель направляется туда, – отвечает Мириния. – Так что принимайте пока новенькую.

В шатре виснет молчание.

– Да что вы расстраиваетесь? – махнула рукой долговязая. – Принцесса Хели – темноволосяя, худая как вобла. А вас, мои светловолосенькие, повелитель любит.

Меня аж передергивает от того, как звучит эта фраза.

– А на ней женится, – вставила пышноволосая.

– Анка, ты бы поспокойней выражалась, – смягчает обстановку долговязая.

– Я нормально выражаюсь, просто озвучиваю правду, – она обиженно дует губы. – Но я очень рада, что наш повелитель наконец захватил Хельгард. Давно пора.

Замечаю пустое место у стенки шатра. Иду туда под пристальными взглядами остальных.

Это какой-то ужас и кошмар. Я должна продержаться ради Златы. Мне кажется, что скоро это закончится, и я вновь ее увижу. Не отберут же ее у меня. Нервно вспоминаю, как пожелала хотя бы полчаса покоя без нее, но теперь понимаю, как сильно ошибалась.

Но хуже всего то, что начинаю вспомнить Фила, пытаюсь его сопоставить с этим повелителем. Единственное, что у них общего с этим Брарготом – светлые волосы. Ладно, длину можно отрастить, но все остальное... Сколько помню, Фил всегда был пухлым – налитые щеки, карие глаза, вечно двойной подбородок, даже когда на диете сидел. Хотя какая диета? Это дома мы на правильном питании были, а так он и в пиццериях, и в шаурмичных часто бывал.

Нет, это точно не Фил.

Но этот разворот, то, как он коснулся моего подбородка – так делал только бывший, когда хотел убедиться, что со мной все в порядке. Вот, например, когда я защищала диплом, Фил так же поднял мой подбородок, посмотрел в глаза, намекая, что я справлюсь и не должна бояться. Или перед родами. Это вообще не спутать ни с чем. Все-таки за пять лет я узнала его. Только не ожидала, что наступит такой день, когда он бросит меня одну с ребенком.

Пусть этот повелитель будет кем угодно, только не отцом моего ребенка.

Глава 10

Я уже битый час сижу с этими девушками, изнывая от скуки. В жизни не сидела на одном месте. То со Златой надо поиграть, то поучить что-нибудь, то убраться в квартире. Не выдержав бездействия, я начинаю ходить по свободному пространству в шатре. Одни девочки на меня шипят, а Анка то и дело бросает недовольные взгляды.

– Может, ты уже усядешься? – спрашивает она, а я мотаю головой.

– Там моя дочь, – шепчу, не в силах сдержать слезы.

– В Хельгарде? – спрашивает она.

– Нет, где-то тут, в лагере, – я закусываю ноготь.

– Пф-ф, в лагере безопасно, – фыркает она.

– Но дочь не со мной.

– Это ребенок, а мы на войне. Что ты хочешь? Если повелитель посчитал нужным оставить ребенка с охраной, значит, так надо, – рывкает она.

Я замолкаю, вновь оседая на пол.

– Мы тоже ушли в этот поход ради повелителя, оставив в Филксе свои семьи.

– Повелитель вообще говорил, что с ним идут те, кто хочет, – пожимает плечами третья.

– Ага, а в итоге выбрал кого сам захотел. Желающих женщин набралось чуть ли не на мини-отряд, – усмехается четвертая.

Их тут всего шестеро. Я седьмая. Ага, буду воскресной женой. Так, даже не стоит думать о таком. Нас со Златой отправят домой. И точка.

Усидеть на месте я не могу. Мне не нравится это место. Боже, где-то моя дочь сидит в холодной палатке, не понимая, где мама.

Я срываюсь с места, не встречая никакой преграды. Вылетаю наружу, пытаюсь сориентироваться, куда идти.

Кругом ходят мужчины с оружием. Просто огромное количество их. Они куда-то спешат, снуют между палатками. Хорошо хоть в одном направлении, а то смели бы меня, как лавина.

Ладно, я подожду, когда вот эта волна закончится.

Я возвращаюсь в палатку и вижу довольное лицо Анки. Так и хочется выдрать ей патлы. У меня там ребенок маленький, а она ухмыляется.

Что-то я слишком раздражительная стала.

– Тебе же говорят, не суйся, – говорит светловолосая. – Дождись повелителя.

– Дождется она, – говорит Анка. – Ему сейчас не до нас будет. Все-таки там принцесса Хели.

– Ох, я тебя прошу, одна из нас наверняка уже сегодня окажется в его постели, – машет рукой еще одна светленькая.

М-да, они тут все без комплексов.

– Он этой принцессы добивался столько времени, – говорит Анка с легкой грустью на лице. – Два года... или сколько там. Хели ж не хотела сдавать город, не хотела выходить за него замуж. Наш повелитель не трогал Хельгард только из-за принцессы, хотя это последний город, который ему надо захватить. И все. Весь мир его.

– Тогда почему он так за Хели решил гнаться? Она же на нас не похожа.

Ага, а про инстинкт «добыча-хищник» они и не слышали? Мужик у нравится добиваться женщин. Хотя он их тоже мог добиваться, добиваться, а когда добился – остыть.

– Потому что у него жена была светловолосая, – отзывается Анка.

Тут даже я подвисяю. Я тоже всю свою жизнь блондинка, хоть и крашенная. Начала с мелирования еще в институте.

– А что случилось? – спрашивает одна.

– Я одна из его первых, кто остался с ним, – отвечает Анка. – Была у него жена Филиксиния и дочка, но его брат убил их, тогда наш повелитель сильно разозлился и заморозил его в Филксе. Тогда же город назывался Старград, а теперь Филкса.

– И за что он убил?

– За то, что тот не захотел присягнуть ему. Младший должен был быть на месте нашего повелителя. Браргот жил со своей семьей обособленно, не претендуя ни на что, но однажды к ним пришел его брат. Браргот отказался идти за ним, а тот настаивал. Тогда на Фригус напали другие драконы. Началась война. Младший пригрозил брату, и Браргот согласился. Он был самым жестоким и непримиримым противником для других. Он смог оттеснить врагов далеко, но, когда вернулся домой, оказалось, что его жена и дочь погибли. Его брат сказал, что их убили другие драконы, но до столицы враги не добрались, значит, семью убили свои. Видимо, хотели держать под контролем Браргота. Со злости он заморозил всю свою семью, а затем собрал армию и пошел дальше завоевывать мир, уничтожая драконов, которые не захотели перед ним преклониться.

– Ужасы ты рассказываешь, Анка, – ежится еще одна девушка, пока я мысленно прощаюсь с разумом.

Это я что, к чудовищу попала? А если вспомнить того дракона в пустыне? Он же специально за ним прилетел. Кошмар.

– Да, он говорил, что его жена была светловолосой, с красивыми голубыми глазами, а у дочки волосы золотые.

– Ха, там еще и второй брат был. Вроде как у него тоже была семья, а может, и не было. Вот он, кстати, тоже появился как будто из ниоткуда, – продолжает Анка. – Имя, правда, его не помню. Толстый такой...

Сердце нервно екает. Меня немного кривит. Не хочу видеть бывшего мужа. Я его отпустила. Больше для меня его нет. Моя рана уже давно зажила. Не хочу беречь ее. Вот только понимаю, что чем дольше здесь буду, тем больше буду о нем слышать.

– И тоже пропал куда-то. На «П» его имя. Их же там четверо или трое братьев. В общем, эту семью драконью тяжело сосчитать, – машет рукой Анка.

– Хели темноволосая, – продолжает настаивать светловолосая.

Как же их различать? Они даже внешне немного похожи друг на друга. И я на них похожа! Ладно. Пусть будут днями недели. А то одна с более светлыми волосами, вторая с пшеничными, третья с платиновыми, четвертая с ближе к медному. Одна я крашенная, а они красотки. У них даже животы сто процентов плоские, не то что мой после беременности.

Да, нашла о чем думать в такой ситуации. Что-то мне совсем не нравится, к кому мы с дочкой попали и вся эта обстановка военных действий. Мы же на реальной войне, пусть там и висит белый флаг. Маленький ребенок без матери, которая сидит среди любовниц и думает о цвете волос. Еще и мужик, которого триггерит на светловолосых. Я-то помню взгляд, которым он смотрел на меня, когда накинулся на своем ложе. Он же хотел меня. Боже, и я его хотела. Совершенно незнакомого мужика. Моя кровь воспламенилась рядом с ним в один момент. Аж страшно стало, как мое тело среагировало на него. Это все из-за воздержания. Точно из-за него.

Глава 11

В шатер то и дело заглядывают охранники. Выпускать нас никто не спешит.

Мирина и ее долговязая подруга – Лебра – вскоре приносят нам еду.

– Где моя дочь? – вновь спрашиваю у них.

Не могу усидеть на месте.

– Все с ней нормально, – мягко отвечает Мирина. – Ты поешь. Тебе силы нужны.

Я опускаю глаза к тарелке с мясом и кашей. Она покрыта тонким слоем какой-то травы.

Перевожу взгляд, видя, что и у других девушек такая же еда.

– Можно сейчас к дочери? – отставляю еду. – Прошу вас. Я как мать очень волнуюсь за нее.

Они вновь переглядываются.

– Послушай, тебе надо поесть, – Лебра садится передо мной и чуть ли не шепчет. – Мы не можем тебя отвести к дочери. Если хочешь к ней попасть – тебе придется идти самой. Если дойдешь до главного шатра. Нам проблем не надо.

Мирина кашляет, а Лебра улыбается мне едва заметной улыбкой.

– Ешь, – говорит она громче, глядя за меня.

Я нервно ковыряюсь вилкой в тарелке с едой, думая о том, как пройти в нужный шатер.

Все это как-то слишком.

Ладно, голодная я хуже соображаю, чем сытая.

О, какое вкусное мясо. Такое нежное и мягкое, хорошо запеченное. Рецепт бы взять и специ.

– Спасибо, – я отставляю тарелку.

Лебра поднимает ее.

– Это вы с каких пор стали такими добренькими? – вставляет свои пять копеек Анка.

– С тех пор, как с тобой перестали общаться, – нагло отвечает Мирина.

Эх, нравится мне эта женщина. Анка хмыкает и переводит на меня надменный взгляд.

Ну прям принцесса – ни дать ни взять. Наверное, любимая жена в гареме.

Ведьмы переглядываются.

– Вы ложитесь спать, – говорят они девушкам. – Думаю, завтра повелитель уже войдет в город.

В меня летит какое-то огромное покрывало.

– Спокойной ночи, – машет рукой Лебра.

Девушки укладываются, и я тоже.

Расправляю данную мне вещь, понимая, что в ней что-то есть. У меня даже рука влезает и застревает в чем-то. Так это не покрывало – это плащ!

Я дожидаюсь, пока девушки уснут. Сама же, стараясь не шуметь, поднимаюсь, накидываю плащ и выхожу из шатра.

Мороз вновь колет мое лицо, и мне становится не по себе. Как только вернемся домой, обязательно переждем куда-нибудь в теплое место. Желательно в Африку. Ладно, шучу. Злате нравится холод.

Хотя, скажу честно, эта одежда очень теплая. Понятия не имею, откуда она взялась, но спасибо тому, кто ее нам дал.

Прохожу добрый километр между шатрами. Воины уже почти не попадаются. Тишина и покой. Лишь стражники провожают меня настороженными взглядами, но я стараюсь держаться подальше от других палаток. А если вижу кого-то, то тут же прячусь за ближайший шатер.

Оглядываюсь, ощущая, что за мной кто-то следит, но в темноте никого и ничего толком не видно. Благо помню дорогу. Подхожу к шатру повелителя, возле которого стоят два стражника. Они тут же хватаются за рукоятки мечей. Мне это совсем не нравится.

– Я к девочке, – стараюсь подделать голос ведьмы.

Еще и капюшон накинута так, что не видно моего лица.

– Повелитель не говорил, что вы придете, – отвечает один.

– Пропусти, – еле сдерживаюсь, чтобы не добавить «те».

– Повелитель не разрешал заходить к ребенку, – тянет резину мужчина.

Я нервно сглатываю. Ладно, так не получится. И лезть с криками, что я мать ребенка – тоже не вариант. Может, надо было подождать пересмену? Но откуда мне знать, когда она будет? Так можно прождать до утра. И превратиться в снеговика.

– Пустите к ребенку. Меня повелитель прислал, – продолжаю гнуть свою линию в манере ведьм. – Сказал, чтобы я сидела с ребенком сегодня ночью.

– Да? – переспрашивает второй. – Он же нас сожрет, если это окажется неправдой.

– Если он вас сожрет, вам будет все равно, – отвечаю. – Слушай, пропусти меня. Ничего страшного не случится.

Мужчины переглядываются, очень сильно колеблясь. Все-таки этот приказ никто из них не слышал.

– Прошу вас, – смотрю на полог шатра. – Вы представляете, что будет со мной, если я послушаюсь его?

Еще немного, и я увижу дочь, с которой меня разделяет всего лишь тонкая ткань.

– Ладно, иди, – стражник сам отодвигает полог.

Чуть ли не подпрыгиваю от радости, но беру себя в руки и направляюсь внутрь. Прохожу знакомые коридоры, останавливаюсь. Понимаю – я совершенно не знаю, куда идти.

Рядом открывается полог, а наружу выглядывает Злата.

– Мама? – недоуменно спрашивает ребенок.

– Злата, – шепчу я, ощущая, как в глазах собираются слезы.

Дочь выбегает ко мне и обнимает тонкими ручками.

– А где одежда? – спрашиваю, видя ее опять в том же платье. – Ты чего голая бегаешь по морозу?

Пусть даже в этом шатре тепло, как в отопительный сезон.

Я тут же снимаю плащ и закутываю ее в него.

– Мне не холодно, – бурчит дочка. – Мама, я так по тебе скучала. Я же больше не сижу у тебя в печенках?

– Нет, солнышко, если ты заболеешь, я тебе такое устрою, – прижимаю ее покрепче к себе.

Грожу, но не говорю вслух те кары, что придумала.

Детская комната находится внутри огромного шатра в одном из проходов. На полу здесь также лежит темно-коричневый ковер, небольшое меховое ложе, на котором раскиданы рукодельные куклы.

– Все в порядке, солнышко? – спрашиваю дочь, вытирая ее лицо, замызганное едва заметной грязью.

Дочка смешно вырывается.

– Ай, щекотно, мама, – отмахивается она.

Безмятежный ребенок не понимает, где мы и что с нами.

– Все холошо. Я немного поиграла, потом меня тетя поколмила, – перечисляет она, – потом я поспала. Я по тебе так скучала. Почему ты ко мне не плишла ланьше?

– И я по тебе соскучилась, маленькая, – отвечаю ей. – Где твоя одежда?

Злата все еще в том белом платье, а мне хочется прибить этого повелителя, который ребенка держит на холоде. Хотя внутри шатра тепло настолько, насколько у нас в период включения отопления не бывает. Но все равно. Это же ребенок. Ребенок должен быть одет по погоде. Я никогда не привыкну, что для нее это нормально. Просто у меня как у любой матери включается древний инстинкт «надень шапочку, а то уши заморозишь». Да и тяжело признать, что дочери холод нипочем. Ладно, я посижу с ней совсем немного и вернусь в шатер. Я не хочу, чтоб ведьмам и охране досталось из-за моего самоуправства.

– Там, – Злата машет рукой в сторону сундука.

Открываю сундук – там лежат Златины вещи, которые были на ней, когда мы попали сюда. Я перебираю их и нахожу огромное яйцо, сияющее лазурным светом.

– Злата, а это что такое?

– Это я нашла, когда мы были в снежной пустыне, – отвечает дочка. – Оно такое класивое, и дядя лазлешил его оставить.

– Дядя? – шепчу я.

Злата на секунду округляет глаза, а затем безмятежность вновь появляется на ее лице.

– Ну, этот дядя, который нас спас, – довольно отвечает дочка. – Сказал, что это маленький длакон, и мы можем его выластить. Он к тебе еще приходил.

Все, после возвращения домой – опять к логопеду. Теряем буквы только так.

– Браргот? – спрашиваю я.

– Да, он холоший, – улыбается дочка. – Он мне дал комнатку и лазлешил тут иглать, пока ты спала. Он от тебя вообще не отходил, пока ты спала.

Вот так моя дочка сдала дядю. Интересно, почему он от меня не отходил? Так и представила, как мужчина склоняется надо мной спящей, а его волосы щекочут кожу, но я ничего не чувствую. В бессознательности я ощущала касания и едва заметный жар на своем теле. Мое сердце едва сжалось в груди от этого признания.

Я подхожу к Злате с одеждой, показывая ей, что надо одеться.

– Мам, не надо, мне будет жарко, – просит дочка. – Давай поиграем.

Злата тянет меня за руку к куклам. Она сует мне соломенную куклу со светлыми волосами, а сама берет другую, похожую на дракона.

– Злата, нам нужно попасть домой, – говорю ей.

Дочка смотрит на меня голубыми глазами.

– Я не хочу домой. Здесь классно, – выдает она, а я закатываю глаза.

– Солнышко, у мамы тут нет работы. И мультиков нет, и твоих кукол. И даже твоего друга Вадика из детского садика.

Да, больших проблем в жизни ребенка и не бывает. Злата задумывается и сжимает игрушку в своей руке.

– Ну, пошли, – отвечает она. – Но мы с Вадиком поссорились. Я теперь с Никитой длужу.

– Злат, не сейчас. Нас домой дядя отправит, – говорю ей.

– Холосо, давай иглать. Я злой и слафный длакон, – полурычит дочка, нападая на мою куклу. – Я тебя заберу к себе.

– Ох, не ешь меня, дракон, – улыбаюсь я, радуясь, что хоть дочка воспринимает все спокойно.

– Мам, длаконы не едят людей, – укоризненно говорит Злата. – Он возьмет плинцессу в жены.

– Как скажешь, – говорю я довольно.

Мы веселимся и играем так, будто ничего не произошло, будто мы все еще дома.

Ближе к ночи мы уже утомились и легли спать в одном шатре. Я обнимаю своего ребенка, прижимая к себе. Моя маленькая девочка, мое счастье родное.

– Мам, а ты выйдешь замуж за этого дядю? – спрашивает дочь.

– С какой это стати? – удивляюсь я ее вопросу, а сама дико краснею.

Она поворачивается ко мне и заговорщицки шепчет:

– Он не хотел, чтобы кто-то слышал, но я услышала. Он стоял над тобой и говорил «только бы ты не умел-ла», – она прикладывает указательный пальчик к моим губам. – Я слышала. Не говори ему, мам, хорошо? Ты – его принцесса.

Глава 12

Вот только когда проснулась, поняла, что не могу сдвинуться, а мое тело покрыто тонкой корочкой льда.

Я пытаюсь шевельнуться, но ничего не получается. Меня будто намертво приклеило. Еще и холод собачий вновь пробирался внутрь, как в снежной пустыне.

– Мама, – рядом Злата что-то лепечет. – Мама, вставай.

Чувствую, как она пытается меня поднять, но не получается.

– Злата, – шепчу я, чувствуя тяжесть в груди.

Ох, еще и поза такая неудобная: я на животе, слегка повернута, попа кверху. Стыдно так лежать, но поменять позу не могу. И, как назло, даже голова будто пригвождена к кровати.

– Позови кого-нибудь, – прошу дочь, которая так и не отходит от меня.

– Мама, – ощущаю, как детские пальчики касаются моего лица.

Что ж это за иней такой на мне?

– Помогите! – визжит дочка, у меня аж уши закладывает.

И тишина. Никто не спешит меня спасти.

– Ох, ё, – слышится мужской голос, когда открывается полог.

Я вижу лишь его кривые ноги в сапогах, черные штаны, кусок кольчуги.

Хорошо, что не повелитель.

Мужчина приближается ко мне, а затем резко уезжает вперед, будто поскользнулся на ковре. Отборно ругается, а я жалею, что не могу заткнуть уши Злате. И этот горе-стражник покрывается инеем полностью.

– Да что ж это такое? – вновь слышится мужской голос, а затем крик.

– Что здесь происходит? – приходит второй. – Эй, это что вас такое покрыло белое?

– Это, зови ведьм! – орет первый пострадавший.

Второй убегает. Злата ползает по мне, не зная, как помочь.

– Мама. Извини, – шепчет дочка.

– Да ты тут при чем? – отзываюсь я.

Только бы ведьмы помогли.

– Это я, мама, – шепчет дочь. – О, смотри.

Она приносит яйцо, которое показывала вчера. Ощущение, что оно поблекло.

– Мам, оно не светится.

А я не двигаюсь.

– Может, потом вновь засияет, – отвечаю ей. – Злата, а может, это яйцо здесь все инеем покрыло? Ты там его покатай по моей спине. Вдруг освобожусь?

Ага, вспомнила всякие шаманские бредни. В нашем случае может помочь что угодно. Раз уж другие миры существуют, то почему яйцо, оставшееся после дракона, не поможет? Мне аж больно на душе стало, когда я вспомнила глаза того зверя перед смертью.

Дочь не придумала ничего умнее, чем усесться мне на спину. Я аж застонала. Она вроде легкая, но иногда ощущение, что сто килограмм весит.

Ощущаю, как по спине что-то безумно холодное елозит. Злата сопит с усердием, натирая меня яйцом.

– Не помогает, – констатирую я факт. – Злата, слезай. Маме больно.

– Холошо, мамочка. Плости меня, – дочка бахается рядом и упирается локтями в мой живот. – Надо, чтобы дядя Благот пришел. Он знает, как это снять.

Ох, вот только его здесь не хватало. Пусть развлекается с принцессой! Хм, так это действительно сделала Злата? Или яйцо? Вот на секунду представить, что такое произойдет в дет-

ском саду или школе... А что будет, когда она станет подростком? Как же тошно от того, что этот мужик, который хочет забрать мою дочку, может быть прав.

– С чего ты решила? – спрашиваю Злату.

– Не знаю, – она пожимает плечами.

– Ох, батюшки, – в комнате появляются Лебра и Мириния. – Мы тут еду принесли, а у вас такое.

– Согласна, хотя в таком виде повелителя встречать самое оно, – пихает локтем Лебра подругу.

Боже, только его не надо сюда в такой момент.

– Снимите с мамы, – Злата тут же подрывается и бежит к женщинам.

– Мороженичек наш, это ты сделала?

– Нет, – отвечает Злата, а я спокойно выдыхаю. – Я сделала, но я не хотела, честно-честно.

– Мы не можем. Надо повелителя дожидаться, – ласково отвечает Мириния.

– Мы могли бы попробовать сжечь, – тут же вставляет Лебра.

– Ага, ты видишь, какие тут силы? Если начнем колдовать, то весь шатер сожжем. Нам потом золото не дадут.

– Ой-ой, – закатывает глаза Лебра. – Кидаем кости, кто идет к повелителю. Он где-то на передовой, собирается вот-вот в город войти.

Значит, он еще не с принцессой? Мне становится хорошо от того, что он не рванул к ней сразу же. Хотя с чего бы у меня такая тяга к нему?

– Может, все-таки сожжете? – спрашиваю я как можно громче.

Только бы они услышали.

– Так, ты погоди, мать. И как тебя угораздило сюда забраться? – машет рукой Лебра. – Мы тут сейчас решим, кто к повелителю пойдет. Сильный у тебя ребенок, однако.

– Да, пусть дядя плидет, – вставляет Злата едва слышно.

Это еще что значит? Ну не может же пятилетний ребенок специально заморозить меня? Боже, еще несколько дней назад, или сколько я там проспала, я и не думала, что у моей дочери вообще есть такие способности!

Нет, это я себе придумала из-за долгого одиночества.

Та заснувшая женщина внутри меня просто хочет мужчину. Она уже пять лет как мама-мама, и ей просто хочется поменять свою роль. Хотя бы ненадолго почувствовать себя желанной и самой желать мужчину. Почему-то так трудно признаться в этом самой себе. Хоть и не в моем положении – примороженной к ложу, но все же.

– Вот я тоже думаю, что пусть повелитель с твоей мамой сам общается, – отвечает Мириния. – Но ты девочка сильная и в обиду себя не дашь.

– Я ее тоже в обиду не дам, – говорю я.

– Мы заметили. Сама убьешься, но дочь в обиде не будет, – усмехается Мириния.

А мне немного обидно. Ощущение, будто меня ругают за то, что я гвозди в розетку засовываю.

– Еще и стражника подставила. Ладно, кидай кости.

Слышится стук.

– О, класиво, – вставляет дочь.

– Иди к маме, – говорит Мириния, направляя Злату в мою сторону. – Ты ей сейчас больше нужна.

Злата возвращается под мой бок.

Мы лежим уже битый час в такой позе. Меня и стражника развлекает Лебра, которая выиграла у Миринии, рассказывая всякие сказки.

Я даже не слышу, я, скорее, чувствую его. Мурашки покрывают тело, кровь разливается по венам. Я знаю, что он идет, что уже близко. Странная реакция на малознакомого мужчину. Но я чувствую его. Знаю, что идет сюда.

Кончики пальцев покалывает, когда он отодвигает полог.

– Кто пустил ее к ребенку? – цедит холодно, а мне становится страшно от его голоса.

Почему он так грубо? И вообще, я сама сюда пришла.

Глава 13

– Она сама, – бурчит Мириния. – Выбежала из палатки ваших любовниц и рванула сюда. Если б я могла двигаться, мои брови полезли бы на лоб. Чего-чего, а такого я не ожидала. Ох уж ведьмы. Врут и не краснеют. Хотя я тоже не собираюсь их подставлять. Подумаешь, что они мне подкинули плащ вместо покрывала. Правителю это необязательно знать.

Хочу сказать что-то в свое оправдание, но все это выливается в мысленный мат. А при детях лучше не материться. Вот пусть меня разморозят, и я сама ему все объясню, если он захочет меня услышать.

В шатре воцаряется такая тишина, что, кажется, будь тут блоха, было б слышно, как она ползет в меху. Становится холодней.

Мужчина молчит, не сводя взгляда с ведьм. Я толком не вижу, но чувствую его недовольство и злость.

– Две ведьмы не могли остановить простого человека? – спрашивает он холодно.

– Да мы откуда знали? Оставили ее в вашем гареме, а она, видимо, выбралась оттуда, – продолжает Мириния. – Мы не смогли ее... архх...

Я вижу, как ноги ведьмы покрылись льдом. Слышится кашель и стон.

– Простите, повелитель, – говорит Мириния.

Видимо, он ее не полностью в лед обратил.

– Хватит, Мириния, присоединишься к тем стражам, которые упустили ее из виду, – жестко звучит его голос.

– Простите, правитель, – хрипит Мириния.

– Хватит, – рычит Браргот, а у меня у самой аж пальцы на ногах поджимаются от его голоса. – Хельгард вывесил белые флаги, и вместо того, чтобы готовить заход армии в замок, я должен бегать по лагерю из-за ваших бабских разборок!

Не хочу, чтоб пострадали ни в чем не повинные женщины.

– Я сама сюда пришла, – говорю, но на меня не реагируют.

– Как скажете, – вставляет Лебра, немного понизив голос.

– Вон, – говорит Браргот.

– А Мириния?

– Ах, да, – слышится щелчок пальцев и новые стоны, которые тут же затихают.

Ощущаю, как Злата сильнее прижимается ко мне. Она дрожит, но не отпускает меня.

– Злата, выйди с Леброй, – обращается Браргот к ребенку.

Я молчу, понимая, что ничем хорошим это не закончится.

– Мамочка, ты не волнуйся, все будет холосо, – дочка чмокает меня в щеку и отходит от меня.

Я не хочу ее отпускать.

– Злата, – зову, но она отдаляется, оставляя меня один на один с этим бесчувственным кошмаром.

– Благодарю, повелитель, – слышится голос стражника.

Они все уходят, оставляя меня наедине с повелителем. Предатели.

Хотя я все еще вижу застывшие во льду ноги Миринии. Он ее в статую обратил? А если и меня так? Не только иней, но и жуткий страх сковывает мое тело. Я не жалею, что была с дочкой, даже если он со мной что-то сделает.

Мужчина застывает рядом с кроватью, не торопясь высвободить меня.

– Вы мне поможете? – прошу. – Или девушка, зафиксированная в нужной позе, в разморозке не нуждается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.